

Н. Беззубов-Белов
А. Берлин

СУДЬБОЙ
приказано
СПАСТИСЬ

16+

Никос Белов
Александр Александрович Берлин
Судьбой приказано спастись

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39429783

SelfPub; 2019

Аннотация

Ночь. Тайга. Неистовство природы. Авиакатастрофа. Беглый заключённый спасает выжившего в ней годовалого мальчика. Какое-то время они вынуждены жить в таёжной пещере вместе с человекоподобным волосатым существом и медвежонком. Спустя годы судьба отправляет бывшего зэка и уже повзрослевшего парня в "цивилизацию", где их ждут опасные – на грани жизни и смерти – приключения и неожиданные встречи.

Любой человек, с молодых ногтей до седины своих серебряных, в период своих жизненных неурядиц, а порою просто после тревожного сна, начинает искать успокоения, цепляться за приятные воспоминания. В такие моменты он особенно ощущает своё одиночество, страх своими щупальцами закрадывается в самые тайные уголки человеческой души. Преодолевая самого себя, человек находит нужное состояние выздоровления от душевной тревоги и обретает надёжную опору для последующей жизни и судьбы.

Жизнь и судьба... Судьба и жизнь... Как не переставляй местами эти понятия, они всегда остаются неизменно рядом. Любой из нас когда-то начинает сетовать на судьбу и невольно разбирать по полочкам всю свою жизнь. И здесь уже не имеет значения – удалась она или нет. В любом случае, человек со временем приходит к заключению, что всё в этом мире ограничено и имеет своё начало и конец. Здесь неизбежно возникает вопрос, а зачем всё это, если всё равно... Извечный вопрос – «Зачем мы живём?» – всем нам знаком. И ответы на него обычно бывают самые разные.

Столь «философское» начало повествования, может быть, и смутит многих. Но со временем, думаю, простится. У кого не бывало в жизни случаев, когда сосед по купе вдруг открывает тебе свою душу. И тебе тоже хочется поделиться мыслями и рассказать ему интересные истории из своей жизни. Уверен, что в этот миг мы сравниваем свою судьбу с судьбой незнакомца. Такое сравнение даже полезно – уви-

дев, как трудно живётся другим, ты улыбаешься и говоришь сам себе: «Не дрейфь, не так уж всё у меня плохо. Кому-то ещё хуже». И эти слова – будто путеводители в нашей жизни. Судьба, как метла «прочищает» нам дорожку, и нам остается только принимать её такой, какая она есть. Поэтому не стоит относиться к нашей истории с иронией. В жизни может быть всякое. Эстафета судеб и есть, наверное, спасательный двигатель для многих.

Часть I

Таёжные мифы

Пролог

Молния судьбы

Непогода для заплутавшего в таёжной глуши путника ставит его на грань жизни и смерти. А если в тайге его настигла гроза... Потоки обрушившейся с небес воды окончательно лишают человека ориентации, который и без грянувшего ливня потерял дорогу к дому. Чтобы спастись от двух стихий, дикого леса и разъярённого неба, нужен многолетний опыт жизни в тайге и вбитые на уровне рефлексов действия в любой ситуации, которые может преподнести Лес. Именно так, с большой буквы. Тайга – особый мир, со своим веко-

вым укладом и своими жесткими, а порой и жестокими правилами выживания. Здесь нет указателей, нет красочных путеводителей, а про такие изыски современной цивилизации, как GPS-навигатор, да и просто интернет или сотовую связь, лучше и не вспоминать. Есть только ты и Лес. И главный в этом тандеме – не человек.

Святослав, или Свят, как его называли в другой теперь уже жизни, не был коренным таёжником, и естественные для попавшего в подобную ситуацию лесовика действия были ему просто неведомы. Поэтому он и сделал единственное, о чём кричал инстинкт самосохранения – стал искать хоть какое-то укрытие. Сначала ему приглянулась разлапистая ель, но свою ошибку Святослав понял очень быстро: брюки из плотной ткани и такая же куртка с капюшоном не спасали от пробивавшихся сквозь хвою холодных струй воды. На его счастье, неподалеку оказалось сломанное и с корнем вывернутое дерево, под которое он, как мог, прикрываясь от ливня, перебежал. Здесь было относительно сухо, от сбегавшей в яму выворотня воды защищали сапоги, и можно было даже выпрямиться во весь рост и оценить буйство стихий, в центре которого он оказался. Увиденное не радовало. Ёжась от принесенной грозой прохлады, Святослав удручённо покачал головой – небо представляло собой черно-серый калейдоскоп из туч, как будто хаотично перемешиваемых чьей-то недоброй рукой.

В какой-то момент взгляд жертвы непогоды зацепился за некую неправильность, которой в грозовом небе не должно было быть – наперекор ураганному ветру и клубящейся черноте, близко к земле, четко выдерживая направление, стремительно двигалась мигающая красная точка. Когда эта точка оказалась чуть выше уровня верхнего среза таёжной стены, глаза Святослава ослепила неправдоподобно близкая, яркая и почти осязаемо толстая молния, а небо над головой с диким грохотом разорвалось. Удар стихии был такой мощи, что путник, непроизвольно зажмурил глаза и закрыв руками уши, упал на колени. А когда, спустя несколько мгновений, снова взглянул в небо, то вместо красной точки увидел падающий в тайгу, постепенно угасающий огненный болид.

А дальше произошло такое, что много повидавший на своём веку, прошедший через далеко не каждому посильные испытания Свят прошептал: «О, Господи!...». И это не было фигурой речи: человек совершенно искренне обратился к Создателю.

Разум *homo sapiens* конца XX века просто отказывался воспринимать увиденное на привычном, доступном ему рациональном уровне. Небеса медленно прорезало сияние, имевшее форму вытянутой ладони. И память предков подсказывала лишённой мистике душе единственную аналогию – «божья длань». При этом Святослав, человек искренне верующий, лишённый новомодной мистики об НЛО и прочих «параллельных мирах», не чувствовал сошедшей свыше бла-

годати, напротив, в груди поднималась неясная тревога, а в душе – чувство странной предопределенности, словно чудо это было явлено именно ему. Свят знал и верил, что просто так чудеса не являются, а на того, кто удостоился их, ложится, чаще всего, ответственность и груз тяжкий...

И ещё – свидетель происходящей в небе фантазмагории был абсолютно уверен, что сияющая ладонь бережно опускает что-то на землю. Ни тогда, ни позже он не смог объяснить себе, почему был убеждён в божественной природе видения, в его предопределенности, почему ни на секунду не усомнился, что этот знак свыше был предназначен именно ему, Святославу-Святу, человеку далеко не безгрешному...

Тем временем ладонь продолжала свой путь к земле, и на её светлой поверхности были четко различимы две крошечные тёмные тени, в которых можно было угадать силуэты людей, пристегнутых к самолётному креслу. И откуда-то точно Святослав знал, что сияющая длань опускает в тайгу мать, держащую на коленях ребёнка.

На нереальность происходящего накладывалось и то, что в последнее время Святослав часто думал о своих отношениях с матерью. Что за сила проникла в его душу, узрев сыновние переживания и столь мистическим образом послав таившийся в глубинах сердца образ?

Но в тот момент Святу было не до душевных терзаний и «вечных вопросов». Ладонь стала подниматься и таять, и

он понял, что женщина и ребёнок уже на земле. Неведомая, не подчиненная его воле сила сорвала путника с места, и, несмотря на раздавшийся над тайгой гул и грохот, донёсшийся из места встречи неведомого явления с землей, он понёсся туда через ливень, не замечая хлеставших по лицу мокрых кустов и попадавших под ноги веток, корней и заполненных водой ям. Они ему странным образом не мешали, хотя в другое время преодолеть этот путь он вряд ли бы смог даже пешком и с оглядкой.

Сколько продолжалась эта безумная гонка, Свят сказать не мог, но выскочив к месту, откуда донёсся грохот, он понял, что мистика кончилась – его взору предстала картина эпицентра авиакатастрофы. Это было страшно, настолько страшно, что он во второй раз за последние минуты рухнул на колени. Но это уже не имело никакого отношения к Богу. Всё укладывалось в рамки рациональности, жестокой, но обыденной действительности. А ноги просто ослабели от нормального человеческого ужаса перед лицом пусть чужой, кошмарной, но столь близкой и реальной смерти. Закрыв лицо руками, Свят застонал. Несколько минут назад все эти люди, останки которых сейчас почти невозможно было опознать, были живы, несли свои невзгоды и радости, переживали расставания и ждали встречи... А сейчас по поляне были разбросаны лишь тлеющие обломки самолёта, ставшего на время их маленьким мирком, хаотично валялись вещи, некогда служившие этим людям. Рухнул и маленький мирок

салона авиалайнера, рухнул для этих людей и весь мир.

Из множества размётанных по опаленной таёжной поляне предметов, Свят непроизвольно подобрал одну из чуть обгоревших книг, и вздрогнул: это был «Уголовный кодекс». Опять мистика, звоночек из прошлого? Он даже горько улыбнулся, но зачем-то сунул томик в карман. Можно ли было тогда предположить, что этим почти машинальным движением он определил судьбу человека?

Видеть картину страшной разрухи было невыносимо, и Святослав уже собрался уходить с места трагедии. Помочь никому и ничем он не мог, а тело и душу буквально рвало на части от боли, а главное – от безжалостной нелепости произошедшего. Кому и чем мешали пассажиры мирного лайнера? Кто и за что с лёгкостью смахнул их с неба?

Вдруг сквозь треск догорающих кустов и пощёлкивания остывающего металла ему послышались звуки, похожие на плач ребёнка. Галлюцинации, навеянные небесным видением? Свят прислушался. Нет, не померещилось, на некотором расстоянии от эпицентра взрыва, там, где уже начинался живой лес, действительно плакал ребёнок. Перед глазами встала «божья длань», и мужчина не мог не пойти туда, словно услышал тот самый предназначенный ему зов.

По мере приближения, звук раздавался всё отчетливее. Вскоре нашёлся и его источник – на одном из деревьев, достаточно высоко от земли, зацепившись одеждой за ветку,

висел малыш. На вид – не более чем годовалый. Под деревом лежало кресло, в котором сидела не подававшая никаких признаков жизни женщина. «Видимо, его мать», – подумал Святослав, вспомнив вторую тень на ладони. Не раздумывая ни секунды, он полез на дерево. Никаких сомнений в правильности своего решения, в необходимости с риском для жизни цепляться за тонкие сучья, которые едва выдерживали его вес, он не испытывал. Это было чем-то похоже на его безумный бег через грозовую тайгу, только тогда неведомая сила влекла его вперед, а теперь – вверх.

Преодолев высокую часть ствола, и пробравшись через сплетение веток, Свят смог дотянуться до ребёнка, и вскоре малыш оказался под его курткой, в относительном тепле – большего уюта он предоставить малютке пока не мог.

Мужчина, как умел, качал ребёнка, пытался шептать ему какие-то ласковые слова, уже не обращая внимания на оставшийся за спиной ужас. И вдруг замер, словно пригвожденный к месту ледяным предчувствием.

Такое с ним не раз бывало в минуты крайней опасности. Святослав медленно повернулся, обводя взглядом выжженную поляну, останки людей, разбросанные вещи и догорающие обломки самолёта. Живых здесь не было, а всё, что могло рвануть или запылкать, уже взорвалось и сгорело. Тайга не поддавалась техногенной жути, сотворенной человеком, пожар не распространился дальше места падения самолёта. Да и дождь помог, прикрыв собой девственный лес. Мёртвых

же Свят давно не боялся, сам успел покойником побывать.

Однако опасность таилась вне места крушения: из кустов, обрамлявших место катастрофы, на него внимательно смотрели два светящихся глаза. С некоторым трудом сбросив с себя этот гипнотический взгляд, человек разглядел и его обладателя – странное волосатое существо огромного роста. В этот момент Свят готов был в третий раз упасть на колени, – от охватившего его первобытного животного страха.

Существо сделало шаг в направлении мужчины и ребёнка, подняло голову к небу и громко произнесло с оттенком удивления: «У-во-о! У-во-о!». А затем развернулось и стало уходить прочь, продолжая повторять эти странные звуки. Святослав остался один, с ребёнком на руках. Страх понемногу отступал, но чувство иррациональности происходящего и какой-то тяжёлой, как в кошмарном сне, тревоги, человека не покидало.

– Мы никого не боимся! Правда ведь? – успокаивающе сказал он то ли малышу, то ли себе, – Нас же теперь двое!

На самом деле их было уже трое, неразрывно связанных небесной дланью...

Глава 1

По имени Уво

Руки привычно и терпеливо мяти глину. В десятый, сотый раз они делали, казалось бы, одну и ту же работу. Это

не было каким-либо ремеслом – пальцы, которые трудно было назвать человеческими, творили. По неспешным и неуклюжим движениям этих рук, по осторожным касаниям пальцев, делавшим углубления в глине, было понятно, что работа близка к завершению. Но опять это была лишь работа. Она приносила удовлетворение, радость созидания, несмотря на то, что от начала и до конца осуществлялась в условиях таёжной, дикой пещеры. Желанный, любимый образ вновь ускользал. А это был образ мамы...

Он лепил её молодой, какой она ему запомнилась: как и все люди, он бережно хранил эти воспоминания в душе, пребывая в привычных мечтаниях о возвращении в годы детства. Это желание ваять образ вечно молодой мамы служило ему спасением и защищало от одиночества.

В углу пещеры стояло много похожих друг на друга скульптур, но ни одна не могла вернуть их автору ощущения детства – самой счастливой и беззаботной поры его жизни. И в своём творчестве, в этих бесконечных попытках вызвать из куска глины живое и родное лицо, наполнить свое творение душой самого дорогого, да что там, единственного близкого человека, скульптор пока не преуспел.

Да, мать того, кто раз за разом ваял одно и то же лицо, была самой обычной женщиной. Чего никак нельзя сказать о её сыне. На первый взгляд это огромное, с ног до головы заросшее густым волосом существо напоминало человекообразную обезьяну. Однако, если бы кому-нибудь удалось по-

наблюдать за этой «обезьяной» достаточно долгое время, он бы непременно заметил, что человеческого в этом существе гораздо больше, чем в любом примате. Не только внешне, – как раз здесь отличия от Homo Sapiens были очевидны, чего стоила только бурая шерсть и сверкающие в темноте глаза. Но вся моторика, плавность и несуетливость движений, их осмысленность и целенаправленность просто кричали о том, что перед нами – существо хоть и неизвестное, незнакомое, но, как минимум, разумное. Да и черты лица никак не могли принадлежать обезьяне, сколь бы близкой она ни была к человеку.

При взгляде на одинокого скульптора сразу возникали мысли о «реликтовом гоминиде», существе таинственном и полумифическом. В разных частях света его называют по-разному – йети, бигфут, алмысты. С определенной периодичностью появляются различные «свидетельства очевидцев», фотографии загадочных следов и даже снимки и телесъемки этих таинственных существ. В итоге всё это оказывается или ошибкой, или искусным монтажом, или намеренной подделкой. Никто и никогда не предъявил свету «снежного человека». Но живущие во многих уголках земли люди, не ученые и исследователи, а простые обитатели малодоступных предгорий или диких лесов, уверены, что «снежный человек» живёт рядом с ними, более того, воспринимают такое соседство как должное. Но и они так никогда и

не смогли показать назойливым «исследователям скрытых тайн» и просто азартным искателям сенсаций живого реликтового гоминида. Как не смогли бы показать и нашего героя, тем более, что сам он к известности вовсе не стремился.

Тем не менее, он был. Снежный или совсем не снежный, но человек, рождённый обычной земной женщиной. Что явилось причиной его появления на свет, останется, скорее всего, никогда не разгаданной тайной. Совсем незамеченным рождение такого, если хотите, монстра, остаться не могло, и слухи по округе ходили самые разные. Ни подтвердить, ни опровергнуть их никто не мог. Возможно, если принять во внимание, что йети и алмысты прочно живут в сознании людей, то можно допустить, что иногда, крайне редко, человеческий геном дает сбой, и при зачатии жизни из неведомых глубин генетической памяти, записанной в спиральях ДНК, всплывает то самое «утерянное звено эволюции», промежуточная ступень между неандертальцем и кроманьонцем. Между тем, кто человеком в нашем понимании, ещё не был, и тем, кто как-то сразу стал современным *Homo Sapiens*.

По понятным причинам, такие существа выживают крайне редко. В древности их по-простому могли уничтожать, заодно с родителями, обвиненными, в зависимости от эпохи, и в связях со злыми духами, и в намеренной ереси и колдовстве. И тогда – или удар каменного топора, или скала в Спарте, или костёр инквизиции. . .

Тем же, кто по разным причинам выжил, предписана была участь ещё более горькая – одиночество человека среди людей. Одиночество физическое, когда ты вынужден, в силу своей пугающей внешности, скрываться от людей, и ещё более страшное – одиночество разума, оторванного, изолированного от социума.

Но вести какую-то жизнь, просто питаться, таким людям необходимо. Как бы далеко от людей им не приходилось селиться, они волей-неволей вынуждены соприкасаться с цивилизацией, оставлять следы. И тогда вновь начинают ползти слухи об очередном «снежном человеке»...

Такова была и судьба нашего героя. Она просто не могла быть другой. Его будущую мать подобрали в тайге. Ее сочли умалишённой, можно сказать, юродивой, и потому никому она была не нужна. Но девушку все же подобрали, приютили, сделали помощницей по дому. А в один далеко не прекрасный день у таёжной скитальицы родился волосатый мальчик, который рос не по возрасту быстро. Это не могло не вызвать повышенного, мягко говоря, внимания окружающих, и вскоре мать с сыном исчезли.

Память о необычной матери и её ещё более необычном сыне сохранилась, обросла легендами, но фактом было то, что с тех пор их никто и никогда не видел. Слухи ходили разные, в том числе, и о том, что мама и сын спрятались в какой-то норе. Большинство же склонялось к самому простому, продиктованному жизненным опытом выводу: женщине

с младенцем в тайге не выжить. Однако всё повернулось совсем по-другому...

И свидетельством этому был здоровенный волосатый парень, который сидел на плотно сплетенной из гибких веток конструкции, слабо напоминающей то ли табурет, то ли скамейку. За его спиной находилось небольшое отверстие в природной стене пещеры, выходящее наружу к текущей ниже реке, толщиной примерно около метра и диаметром приблизительно с полметра, форма которого с внутренней стороны напоминала воронку, которая постепенно расширялась в сторону внутреннего пространства пещеры и свет, исходящий из отверстия такой формы мог охватывать большую площадь, нежели отверстие в виде вытянутого цилиндра. Это своеобразное подобие окна помогало обитателю пещеры лучше видеть всё, что его окружает. С левой же стороны этого отверстия находился выход из пещеры, который посторонний наблюдатель вряд ли смог бы увидеть с внешней стороны.

Природа позаботилась о том, чтобы пещера, находящаяся в гористой местности, в глухом ущелье, была практически недоступна. Горные речки и ручьи собирались здесь воедино, чтобы устремиться вниз, образуя водопад. Именно он оберегал вход в пещеру от всякого постороннего взгляда. Сколько ни вглядывайся, увидишь лишь сплошную обрывистую стену и поток бурлящей воды, падающей с высоты в

полсотни метров.

Водопад и прячет вход: чтобы попасть внутрь, надо шагнуть туда, где вода может запросто раздавить человека. А там, за ревущей водной преградой прячется неправильной формы щель, высотой около двух и шириной чуть более полуметра через которое и можно попасть в убежище отшельника. Чтобы приблизиться к этому потаённому входу, надо выждать момент, когда мощный поток временно ослабевает, и тогда, прикинув к стене, можно попасть внутрь пещеры, что требует немалых усилий. Чтобы попасть к этой щели-входу надо подняться на выступ, образующий небольшую площадку, на которую забраться не так то легко из-за гладкости стены высотой более полутора метров. И даже преодоление этого препятствия ещё не означает, что цель достигнута. Открывающийся взгляду при входе в проём щели длинный и запутанный туннель, уходящий в темноту, пугает. Хочется остановиться, вернуться, убежать – такой жуткий, пронизывающий холодом мрак и неизвестность ждут впереди.

В пещеру можно попасть и другим путём. В месте, где берег реки чуть уклоняется, образуя каменистую плешь, поросшую кустарником, можно, если знать, что искать, обнаружить нору. Оказавшись в ней, попадаешь в тиски каменной тесноты, ледяное дыхание которой давит, излучает угрозу: кажется, что малейшее движение вызовет обвал, и тесный лаз навсегда закроется. По этому длинному, узкому и неудобному проходу нужно суметь проползти более ста мет-

ров, прежде чем попадешь в один из гротов. Зимой в пещеру можно попасть только этим крайне неудобным и опасным путем: водопад замерзает, образуя неприступную ледяную стену.

Однако природа переменчива, а иногда и заботлива. Преодолев все трудности и попав в грот, обнаруживаешь, что он представляет собой идеальное убежище: здесь можно не просто укрыться от нежелательного чужого взгляда и спастись от непогоды, здесь можно жить. Температура воздуха здесь всегда постоянна: чуть более пятнадцати градусов тепла. В гроте слышен шум ручейка, вода которого вполне годится для питья, кроме того, круглый год тоже сохраняет одинаковую температуру, то есть служит для горной полости своеобразным климат-контролем. Кроме того, эта прошедшая сквозь бесчисленные природные фильтры вода богата минералами и даже целебна.

Разбушевавшаяся в тайге стихия не оставила в стороне даже укрытый глубоко в скале грот – вой ветра, раскаты грома и отблески молний проникали и сюда. Это беспокоило сидящего спиной к «окну» пещеры «снежного человека» и мешало ему предаваться привычному занятию. Свет в гроте стал похож не на луч фонарика, а на работу электросварки или мерцание стробоскопа – частые мертвенные вспышки, многократно отражаясь от пола и стен пещеры, не давали сосредоточиться, внушали тревогу. Почувствовав, что снару-

жи творится что-то невероятное, доселе им невиданное, обитатель грота встал и направился к «окну». По его неспешным, но уверенным шагам и движениям было видно, что живёт он здесь давно, и каждый уголок пещеры знаком ему той внутренней памятью, с которой городской житель, не раздумывая, находит в утреннем полусне путь из спальни в ванную.

Покидать своё убежище ненастной ночью для нашего «йети» было делом привычным. Он твёрдо помнил наказ мамы – выходить в тайгу только ночью и только в непогоду, ведь именно в такую пору ни один человек не осмелится появиться в лесу. Он помнил всё: как они убежали от людей, как нашли это жилище, как в пещере мама обнимала его и с нежностью прижимала к себе. Он помнил, как здесь она часто ему объясняла, почему они должны были скрыться: чтобы его, рождённого не похожим на всех, не обижали и не травили, или, того хуже – не изловили и не измывались по злобе и на потеху.

Люди слабы, и именно в ненастные тёмные ночи их особенно обуревают подсознательный страх. А значит, можно ходить по тайге без опасения быть замеченным. Зверей обитатель пещеры не боялся, ему были страшны люди.

Подойдя близко к отверстию, служащим ему «окном» пещеры, он несколько раз простонал, а потом, повернув голову в сторону своих скульптурных творений, находящихся ря-

дом с так называемой «спальной», где лежали рядом останки его мамы, негромко произнёс: «По-за-лэй... Мэ-на... Ма-ма... Йа-бэз-тэба-жы-ву... Нэ-жы-ву». Но в полном безмолвии пещеры он не услышал голоса единственного дорогого ему человека и направился в сторону выхода. С каждым шагом, приближающим его к выходу, всё отчётливее и громче стал слышаться шум водопада...

Шаг под водопад – и одинокий таёжный сын оказался уже в другом, полном опасностей пространстве. Здесь он увидел воочию, как сильно, неистово сегодня разгневалось небо! В какой-то момент ему пришлось даже ухватиться за дерево, чтобы не быть сброшенным ветром вниз...

«У-во-о!» – произнес-провыл «снежный человек». Он издавал такие звуки в состоянии любого эмоционального потрясения. И это сочетание звуков после неоднократного повторения ему так понравилось своей простотой и в то же время ёмкостью, что он стал считать их способом обращения к своей маме в стремлении передать ей своё состояние, и чем-то вроде своего прозвища. Тем более что такое сочетание звуков вполне объяснимо: когда в раннем детстве малыш начинает произносить первые звуки, то, заметив что-то новое и удивительное, вытягивает губки трубочкой и протяжно гудит: «У-у-у...». Позже, когда приходит узнавание предмета или явления, появляется второй звук: «О-о-о...», или «Во-о-о...». Так чем Уво хуже других имён?

Собственно, речь для Уво не была необходимостью, ведь

разговаривать ему довелось только с мамой, а она всегда понимала сына, и со словами, и без слов – ей достаточно было его взгляда. Но мама умерла совсем молодой...

Ночь... Тайга... Ураганный ветер буквально громил всё кругом, предупреждая всё живое о необходимости укрыться. Небо всё больше заволакивало тучами. Казалось, ещё мгновение и наступит полный мрак. Даже тучи прекратили свою небесную пляску. И вдруг на миг установилась пугающая тишина, а вслед за этим небо разодрала огромная молния. Казалось, взорвалось и загорелось само небо, но своим необычным, недоступным людям острым взглядом Уво увидел, что взорвалась и тайга. Не так уж и далеко по таёжным меркам от его убежища полыхал каким-то неестественным, не природным пламенем довольно большой участок того, что совсем недавно было девственным, нехоженым лесом. Впрочем, струи могучего ливня быстро сбивали пламя.

Лес вокруг своего «дома» Уво знал наизусть, поэтому добрался до места странного пожара кратчайшим путем. Увиденное потрясло его. Здесь были люди. Много людей. Но опасаться их уже не стоило – все они были мертвы... На выжженной поляне было разбросано и множество вещей, о назначении которых лесной затворник не знал, и даже догадываться не мог, он попросту никогда не видел вблизи «плодов цивилизации». И хотя на летящие по небу серебристые стрелы Уво обращал внимание не раз, но воспринимал их

как одно из природных явлений. Его разум просто не мог связать инверсионный след не с обычным облаком, а с творением человеческих рук; а сверкающий наконечник этого облака – с машиной, несущей в своем чреве десятки, а то и сотни людей. Для построения такой логической цепочки у Уво не было ни фактов, ни знаний.

Неожиданно его внимание привлекло движение. По пепелищу двигался ЖИВОЙ человек. А это была прямая опасность – так говорила мама. Уво скрылся в густых кустах, но не убежал, – как и всякому разумному существу, ему было свойственно любопытство. Перед его взглядом находилось столько нового, что оно пересилило даже впитанный с младенчества запрет. Впрочем, живой человек его не замечал, и сам, казалось, находился в глубокой растерянности. Более того, Уво чувствовал, что «живой» сильно испуган. И страх его был совсем другим. Человек был в ужасе от свершившегося на таёжной поляне, в то время как Уво боялся только самого этого человека.

Неожиданно чуткий слух лесного жителя уловил звук, который он мгновенно классифицировал как жалобу детёныша. Но откуда здесь взяться детёнышу, всё зверьё попряталось от необычайно сильной грозы.

По поведению человека на поляне Уво понял, что тот тоже слышит эту жалобу. И идет к её источнику, лезет на дерево и снимает детёныша. Только тут Уво понял, что это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ребёнок. Воспоминания детства захлестнули его.

Он помнил, как мама заботилась о нём, и как он нуждался в этой заботе. Забыв про страх, отшельник вышел на поляну и сделал несколько шагов к человеку, державшему ребёнка на руках. И всё, что он, находясь в глубоком потрясении, смог произнести, было: «У-во-о! У-во-о!». В этом стоне были и удивление, и жалость, и предложение помощи. Но человек на поляне, и это Уво отчетливо понял, смертельно испугался – теперь уже его, Уво. Это было непонятно, страшно, непере-носимо. Всплыл и подхлестнул и собственный страх, а также чувство вины: он нарушил запрет, его увидели! И с тем же криком «У-во-о...», выражающим отчаяние от того, что он не выполнил просьбу мамы не показываться никогда на глаза людям, но в то же время и радостное удивление тому, что мама была права, когда говорила о посланцах с неба, обитель пещеры бросился прочь.

Удалясь на безопасное расстояние, Уво остановился и прислушался к себе. Дождь почти стих, лес издавал лишь привычные послегрозовые звуки. Присутствия живого человека он тоже больше не ощущал. Любопытство и ещё какое-то, ранее неведомое, но какое-то более значимое чувство влекло его обратно, на пожарище. Как будто там он оставил частичку самого себя. Раньше сходные с этим чувством ощущения приходили к нему только тогда, когда он вспоминал маму, когда пытался в глине передать её образ.

Не сисясь противиться, Уво вернулся на место трагедии.

Там все было по-прежнему. Дождь сбил остатки огня, оставив напоказ мёртвые тела и разбросанные повсюду вещи. И чуждым казался здесь живой человек, прижимавший к себе ребёнка. Тот был явно растерян, но следы страха от встречи с ним почти прошли. Уво чувствовал, что теперь все внимание человека было приковано к ребёнку.

А Святослав тем временем опустился на ближайший пенёк. Его по-прежнему слегка потряхивало, но больше о того, что давали о себе знать ночная прохлада и сырость после ливня. Он вытащил из внутреннего кармана фляжку с травяным настоем, рецепт которого когда-то давно подсказал один пожилой заключённый. Следуя рецепту снадобья, в банку надо уложить измельчённые листья тимьяна и мать-и-мачехи, залить их мёдом и около месяца настаивать в темном, прохладном месте. После этого на паровой бане разогреть около получаса и процедить. Этот настой очень хорошо помогает от простуды и лечит кашель. Он даже в остывшем виде сохраняет свои целебные свойства. При первых признаках недомогания, Святослав всегда сразу пил заранее заготовленное снадобье.

Вот и сейчас, сделав пару глотков, он решил дать немного настоя найденному младенцу, надеясь, что это поможет малышу избежать простуды. Ведь нельзя допустить, чтобы этот мальчуган, столько всего переживший за свою короткую жизнь, ещё и заболел!

– Знаешь что, друг мой, – улыбнувшись, сказал он ребёнку.

ку, – давай-ка и ты со мной глотни, а то захвораешь. А потом можешь поспать.

Младенец в ответ зевнул и задрожал от холода. Святослав буквально влил ему в рот глоток целебного зелья. Малыш недовольно заплакал. Здравомысленно решив, что тот голоден, Свят достал из кармана сухарь, тщательно пережевал его, и полученную кашицу положил малышу в рот.

– Вот это другое дело! А теперь давай спи и ничего не бойся, гость ты мой дорогой, – успокоил он младенца, с особой нежностью прижав его к груди.

Пора было уходить из этого страшного места. Напоследок Свят посмотрел в сторону погибшей женщины, и в последних отсветах догорающего пламени заметил возле неё раскрытую сумочку, где лежали какие-то бумаги и косметика. Мужчина закрыл сумочку и взял её с собой. Лицо женщины было покойно и чисто, будто и не мертва она была, а лишь заснула. Он накрыл её валяющимся рядом куском жести и тихо произнёс, будто обращаясь к её душе, витающей рядом с бездыханным телом:

– Не обижайся, что я забрал твоего сына.

С думами о женщине и судьбе её семьи, он уже собирался уходить с места катастрофы, как вдруг его остановил необычный звук.

– Это ещё что такое? – теряясь в догадках, недоуменно произнес Святослав.

Он пошел на звук и увидел, как с куста, задевая струна-

ми за ветви и печально звеня, медленно сползает гитара. Чего-чего, а такого Святослав никак не ожидал увидеть после столь разрушительной гибели самолёта...

– Откуда ты взялась? – обращаясь к ней как к живому существу, еле слышно проговорил человек. – Ну что ж... Пойдём и ты с нами ради компании. Не оставлять же тебя здесь...

Подняв гитару, он перекинул ремень через плечо и, не оглядываясь, покинул это унылое место. Внимательно наблюдавшему за ними Уво тоже нечего больше было делать на месте трагедии.

Так они и ушли со связавшей их невидимыми узами поляны – человек с гитарой на плече, заботливо прижимающий к себе младенца, и огромный, совершенно дикого вида волосатый мужчина-великан с задумчивым выражением на вполне человеческом лице.

Глава 2

Свят, Свят, Свят...

В ИТК, исправительно-трудовой колонии, а в просторечии – на зоне, шёл самый обычный серый, будничный день. От других он отличался только тем, что был банным – осуждённых запускали в душевую. Ожидая своей очереди на помывку, Святослав и его сосед по нарам, Валентин Николаевич, отсидевший уже немалый срок, задержались в раздевал-

ке. Они уже поднялись, чтобы двинуться в душевую, когда в раздевалку ворвался один из осужденных:

– Художнику – кранты! Кто-то его на перо поставил! – заполошно выкрикнул он. И, покопавшись в карманах своей робы, снова убежал в душевую. Святослав дёрнулся было следом, но был остановлен быстро оценившим ситуацию Валентином.

– Стой, Свят! – у пожилого зэка заблестели глаза.

– Ты чего на меня так уставился? – не понял причину задержки Святослав.

– Слышал, что он сказал? Художника – на перо! А Художник-то ведь ты, Свят...

До Святослава начала доходить нелепость сказанного пробежавшим сидельцем – его только что зарезали! На зоне именно его все звали Художником. Это ввергло Свята в оцепенение. Но Валентин, в отличие от молодого друга, моментально понял, в чём дело, и сумел оценить ситуацию совсем с другой стороны. Сказался немалый опыт пребывания на зоне: такие случаи бывают раз в жизни. Сейчас или никогда!

– Свят, слышал – это что, выходит, Фазана завалили? Вы же с ним похожи, как близнецы! А он завтра должен быть на воле. Смекнул?

В голове у младшего друга что-то щёлкнуло, и он с иронией проговорил:

– Валентин, ты в детстве Дюма не слишком увлекался? «Графом Монте-Кристо»? Я не Дантес, а ты не аббат Фариа,

и здесь российская зона, а не остров Иф!

Однако Валентин шутки не принял, да и не попадалась ему в деревенском довоенном детстве книга про мстительного графа. Поэтому он не без раздражения скороговоркой отрезал:

– Слушай, Свят, не знаю я, про какой ты остров говоришь, и про какого там графа Монтекриста. Это сейчас не важно. Главное, выйти отсюда, и поэтому сейчас делай то, что скажу, а всё остальное я возьму на себя.

У Святослава не было оснований не верить старому зэку. Тот знал здесь все ходы и выходы, знал, на какие кнопки нажимать, чтобы дело пошло по проложенному им руслу. Тем более что верить Валентину Свят очень хотел – за его словами стояла свобода...

– Давай скорей надевай его робу. Вон она висит, – торопил Валентин. – Хорошо, что Фазана в бане вальнули.

Валентин быстро сорвал её с крючка и сунул в руки Свята одежду покойника. Это того немного напрягло, – одежда пахла ещё живым человеком, но потом Святослав решил, что Фазану уже всё равно, и начал быстро переодеваться.

– Но тебе придётся немного потрудиться, – продолжал Валентин, – надо будет быстро научиться подделывать его подпись. Это, я надеюсь, ты легко сделаешь, Художник ты всё-таки что надо. А сейчас самое трудное: с этого момента начинай изображать сутулость и дёргай левой кистью, а то вмиг подставишься.

Святослав сделал робкую попытку подражания манерам Фазана. Это оказалось не так уж сложно – нужно было лишь не забывать об опущенных плечах и присогнутой спине. А тик левой руки был столь характерен, что для его повторения актерские способности были не нужны. Но все вместе составляло определенный образ, присущую именно Фазану моторику движений, и над этим стоило поработать.

– Вот-вот, так, правильно, молодчина! Делай, как ты сейчас делаешь, и скоро ты на воле! – одобрил Валентин и, стукнув себя по лбу, добавил: – Свят! Мы про его писклявость забыли. Потренируйся в душевой, за шумом воды никто ни о чём не догадается.

– А ты как же? – очнулся Свят. Скорость и неожиданность перемен не давали ему времени подумать о друге.

– Я уже стар, – спокойно сказал Валентин, – а тебе ещё жить да жить. Это твой шанс. Потом шепну тебе адресок своего братишки. Можешь доверять ему полностью... Он – охотник и часто бывает в тайге. Ты понял, о чём я?...

Внешнее сходство с Фазаном помогло Святославу не быть узнанным, а талант художника помог безупречно подделать подпись двойника. Образец этой подписи нашёл для Святослава тот же Валентин, обнаружив в своей каптёрке ведомость о получении сапог с подписью покойного. Свят подозревал, что этим роль бывалого зэка далеко не ограничилась – слишком уж легко прошло освобождение.

Точно выполнив советы Валентина Николаевича и оказавшись за территорией зоны, Святослав догадывался, что без вмешательства друга, это как по маслу не пошло бы, и, тем не менее, мысленно благодаря его, не мог не радоваться этой лёгкости.

Продолжилась она и в дороге. Выйдя на основную трассу, Святославу не пришлось долго ждать транспорта – стоило ему поднять руку, как первый же «Жигулёнок» взвизгнул тормозами, и из салона раздался глуховатый голос:

– Куда надо?

– До столицы возьмёшь? – спросил Святослав, на что водитель так же глухо сказал:

– Мне и самому туда надо. Так что, возьму, выходит. А как с оплатой – хлопот не будет?

– Обижает, – заявил Святослав и добавил: – А если повезёшь с шиком – плачу вдвойне. Это я о том, что кроме меня никто не должен в машине сидеть.

– Понял. С шиком, так с шиком. Я в шкуре отдыхающего в этом «санатории» тоже недавно побывал. А посему не надо больше ничего объяснять, – по-свойски ответил водитель.

– Вот и договорились, – согласился Святослав и молча сел на заднее сиденье.

Плавный ход машины укачивал, и у пассажира начали закрываться глаза, а вскоре он и вовсе заснул. А выпал из сна уже тогда, когда машина подъезжала к Москве.

Водитель, заметив это, обернулся:

– Вот мы и в столице нашей, так можно сказать, родины. Куда тебе конкретно надо?

– На Фрунзенскую набережную, – ответил Святослав, потягивая затёкшую спину и оглядываясь по сторонам.

Не слишком долго поколесив по Москве, машина остановилась.

– Спасибо за комфорт, – Святослав пожал руку водителю и, расплатившись, вышел. Тот, просигналив, резко бросил «Жигу» вперёд и вскоре скрылся из вида.

Прохаживаясь по набережной и наслаждаясь свободой, Святослав с интересом оглядывался по сторонам. Москву он не знал, видел Первопрестольную только по телевизору. И идея Валентина сразу ехать в столицу поначалу показалась ему не самой удачной – Свят считал, что контроль здесь жестче, а справка об освобождении – не тот документ, с которым можно себя комфортно чувствовать. Но друг убедил его, что во многих смыслах Москва – одно из самых безопасных мест для «откинувшегося» зэка. Во-первых, прошли те времена, когда столицу прочёсывали мелким гребнем, во-вторых – справка у него чистая, он не беглый, не в розыске, так что даже при проверке серьезных вопросов не возникнет. Да и на «Жигуленке», что его привез, стояли московские областные номера, а мало ли таких по столице катается? На них и внимания никто не обращает, вроде как свой...

Заметив на здании нужную табличку, «гость столицы»

приступил к поиску названной Валентином квартиры. Увидев, наконец, на одном из подъездов нужную цифру, сразу заходить не стал. Постояв в нерешительности, направился к скамейке во дворике напротив подъезда.

Поглядев в небо, он сел, опершись локтями о колени, вытер увлажнившиеся от жизненных воспоминаний глаза и, закрыв их ладонями, просидел некоторое время без движения. Потом, сдерживая нахлынувшие эмоции, убрал ладони от лица и опустил их на колени. Выпрямив спину и расправив плечи, он слегка улыбнулся и тихо сам себе прошептал: «Ничего, Свят, теперь все беды позади. Скоро всё должно измениться к лучшему. Так что, давай вставай, и вперёд!». После чего уверенно направился в сторону подъезда.

В чужом городе, тем более после долгого срока, проведённого в неволе, мысль о том, что у него есть место, где можно передохнуть, и есть человек, кто о нём позаботится, успокаивала. Прожив немалую часть жизни в жёстких условиях зоны, где никто сам себе не принадлежит, Святослав ощутил какое-то подобие состояния тихой радости от того, что его кто-то ждёт, и он кому-то, может быть, нужен. Чувство ненужности и отверженности, горечь мыслей о «печати» на судьбе, сознание того, что он отвергнут даже родителями, могут быть понятны только тому, кто сам побывал в этой шкуре. И радость ожидания, что тебе вот-вот кто-то откроет дверь, придавала сил.

Прежде чем нажать на кнопку звонка, Святослав на миг застыл, в душе мелькнуло сомнение. Но, пересилив сиюминутное колебание, вдавил кнопку и услышал раздавшийся за дверью приглушённый звонок, вслед за которым послышались звонкие шаги и невнятное мужское ворчание.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет шестидесяти с заспанным лицом. Кряжистый, с экономными и плавными движениями, он лучше смотрелся бы где-нибудь в лесу, чем в московской квартире.

– Слушаю! – прокашлявшись, спросил он.

– Я от Валентина Николаевича. Мне нужен Фёдор Николаевич, – не спеша проговорил Святослав.

– Зови меня Фёдор. Проходи, – дежурно, без эмоций, пригласил хозяин.

– А меня ... Святослав, – вымученно улыбнувшись, сказал нежданный гость и протянул руку.

– Вот и познакомились, – довольный рукопожатием резюмировал Федор. – Давай, раздевайся и проходи в комнату. А я пока на кухню: что-нибудь поищу перекусить на первый случай, – и махнул рукой в сторону двери направо, а сам отправился налево, на кухню.

– А можно, и я на кухню...

– Ладно, на кухню, так на кухню, – внимательней приглядевшись к гостю, согласился Фёдор. – Вдвоём быстрее что-нибудь на стол соберём. Картошку не разучился чистить?

– Вроде, нет, – попробовал улыбнуться Святослав.

– Вот и отлично! Тогда за дело, – слегка хлопнув гостя по плечу, отчеканил Фёдор.

После недолгих холостяцких хлопот по кухне разнёсся запах картошки и жареного мяса. На столе появились селёдка с луком и прочая снедь. В какой-то момент Святославу стало казаться, что Фёдор его ждал – холодность хозяина быстро улетучивалась. Он оказался крепким, добрым, в меру весёлым и жизнерадостным человеком. К тому же он был настоящим хлебосольным хозяином, с присущей русским людям гостеприимностью.

Оглядев стол, Святослав вдруг почувствовал, как он голоден. Наблюдательный Фёдор, заметив это, с улыбкой скомандовал:

– Ну что, гость дорогой, давай садись и... ешь. И я буду «садись и ешь», – засмеявшись, скомандовал сам себе Фёдор.

– Слушаюсь, гражданин начальник! Есть садиться, и есть, как изволите, есть, – захохотал в ответ Святослав, довольный своим каламбуром.

– Стоп, – внезапно остановил его Фёдор, – про самое главное-то и забыл. – Он быстро направился к холодильнику, вытащил оттуда бутылку водки, вернулся и разлил по стаканам.

– Ну что, за встречу? – подняв свой стакан, предложил хозяин.

– За знакомство!

Выпив, с аппетитом они молча принялись за еду. Потом

налили ещё по одной и продолжили закусывать.

– А у тебя здесь красиво и тепло, – наконец проговорил разомлевший от выпивки и сытной еды Святослав, откинувшись на спинку стула, расправив плечи и рассматривая окружающую обстановку.

– Это тебе от водки так кажется, а на самом деле в квартире прохладно и сыровато из-за деревьев под окном.

Водка или не водка стала причиной такого его состояния, неважно. Святослав купался в необъяснимом тепле. Вроде бы, находился он в чужом доме, рядом с малознакомым человеком, но чувствовал именно тепло домашнего очага. Возможно, Свят просто отвык от нормального человеческого жилья. И ему стоило некоторых сил заговорить о сути своего визита.

– Фёдор, Валентин Николаевич просил с тобой поговорить об одном деле, – после паузы начал он.

– Раз просил, значит сделаем... Догадываюсь, о чём он просил.

Хозяин кивнул на стену, где в рамке красовался таёжный пейзаж. Кивком головы гость подтвердил правильность догадки. И добавил:

– Он так же ещё просил сказать, что, мол, чем быстрее, тем лучше будет.

– Раз он так хочет, значит, надо выполнять. Я его с малых лет слушался. Кстати, как он там, держится? Не молод ведь

уже, – спросил Фёдор, разливая пришедший на смену водке квас.

– Он никогда не жаловался, – вспомнив старого друга, сказал Святослав. – На зоне я его чтил, как отца, а он меня, не знаю за что, любил как сына. Если бы не он, мне было бы там тяжело. Даже поговаривали про нас: папа с сыном потопали на прогулку, – улыбнулся Святослав.

– Значит, была у него на то причина, чтобы тебя оберегать. Просто так он к незнакомым не липнет. Может быть, он с твоими родителями был знаком?

– Вряд ли. Хотя, мне вспоминается, когда однажды я о своих родных хотел с матерком обмолвиться, он меня так треснул по башке, что потом целый день в ушах звенело. «Ты, – говорит, – о них больше никогда не говори плохо». С тех пор о родителях больше я вообще не заикался. Вот с этого момента он и стал меня оберегать.

– Видимо, с твоей мамой или твоим отцом он был знаком. А за то, что по ушам двинул он тебя – не обижайся, ведь это он, наверняка, сделал любя. Я тоже не один раз от него, как от старшего брата, подзатыльники получал.

– Фёдор, в последнее время я замечал, что у него со здоровьем что-то не то... – припомнил Свят некоторые странности в поведении старшего друга.

– Да, здоровье у него сдаёт, конечно, от такой жизни. Но он, мой брат, живуч и знаешь почему? – сочувственно спросил Фёдор.

– Нет, не говорили мы об этом.

– Потому что, он любое испытание всегда принимает с радостью, как должное, – с гордостью сказал Фёдор. – И все жизненные «ухабы» для него, как занятие физкультурой. Если бы не это, то за тридцать с лишним лет, проведённых им с перерывами на зоне, он бы загнулся. А так...

Фёдор ненадолго задумался, а затем продолжил разговор.

– Святослав, я, конечно, понимаю, что тебе надо «пропасть», и чем быстрее, тем лучше. Но пару деньков всё же придётся обождать. В такую дорогу – это тебе не на курорт собраться. Это я о таёжном житье говорю. Там тебе – не на югах, без тёплой одежды замёрзнешь. А сейчас, чтобы время не терять, послушай, как правильно топить печь и когда её топить. Уяснить это для себя надо чётко, чтобы там, в тайге тебе всегда жилось в тепле, и чтобы тепло это надолго сохранялось. Запомни, топить печь только ночью надо, так как днём сохранить тепло поможет солнышко. А жар от печки, что натопил, надолго останется и днём. И будешь тогда целый день, как домашняя живность, греться на солнышке и спать в удовольствие.

– А днём, стало быть, вообще топить не надо, – вслух размышлял Святослав. – Сверху могут заметить, что ли?

– Верно, – кивнул в ответ на понятливость гостя Фёдор, – верно сообразил.

– Странно...

– Видишь ли, сейчас в тайге слишком много развелось

разных «гастролёров», прилетающих на вертолётах, которых нужно остерегаться. Об этом я тебе потом расскажу... – призадумался Фёдор. – Так вот, среди настоящих охотников – свой порядок и правила, и их не надо бояться. А вот «гастролёров» – чужих «охотников»... у которых свои правила, и которых интересуется совсем не дичь, их-то особенно и надо бояться... – Фёдор ненадолго задумался, а потом продолжил разговор о старшем брате.

– Святослав, то, что ты на Валентина не обижаешься, то это с твоей стороны правильно. Он – мой брат – очень добрый, вот только чуточку не везёт ему в жизни. На таких нельзя обижаться, – сказал Фёдор. – Иди, покажу, где спать будешь, – жестом руки он попросил Святослава подойти ближе и тихо продолжил: – Ну что, давай полежи, отдохни. Дорога тебе предстоит дальняя. Я же пойду пройду. Надо кое-чего из жратвы прикупить и, конечно, кое-какой одежонки. Хотя тряпья там навалом, но тёплого маловато.

– Но у меня совсем мало денег, – стесняясь, сказал Святослав.

– О деньгах мне больше не говори. Раз брат принял тебя за родного, значит, всё наше – ваше, а ваше – наше.

– Спасибо! – тронутый таким отношением, прошептал про себя Святослав.

– В связи с этим, предлагаю сделать перерыв в нашей сердечной беседе. Тебе сейчас надо обязательно отдохнуть и выспаться перед дальней дорогой, – Фёдор показал Святославу

на постель, а сам отправился за покупками.

– Так что, давай отсыпайся. Дверь никому не открывай и никого не бойся. Шучу! – весело подмигнул Фёдор.

– Понял, – сказал Святослав с деланным испугом, поддерживая шуточный тон хозяина, и положил голову на подушку. Оставшись в квартире один и растянувшись на самой, что ни на есть, настоящей постели, он лежал и сам себе улыбался, приговаривая: «Вот так, Святослав. Несколько ночей на перинах, а там...» – но, не успев даже подумать о том, что его ждёт в тайге, он погрузился в глубокий и крепкий сон...

Вернувшись с покупками, Фёдор продолжил свои советы по будущей жизни в тайге. В первую очередь Фёдор «обрадовал»:

– Зимой будешь жить, как медведь в берлоге – в спячке. Днём, если даже и захочется пошляться по тайге, не выйдет – сугробы выше крыши. Перед дверью, конечно, можно отбрасывать снег, чтоб не облениться. А летом, Святослав, там, конечно, уже совсем другая жизнь у тебя будет: прогуливайся с наслаждением на природе, но не забывай, что эта пора скоро закончится, и нужно крутиться, как белка в колесе. Намёк понял!

– Подготавливать корм и расфасовывать по полочкам? – отчеканил бодро Святослав.

– Ты, я смотрю, умнеешь и набираешься опыта у меня прямо на глазах. А потому давай чокнемся за такого смыш-

лёного ученика...

– И за такого учителя, – решил вернуть комплимент Святослав.

– Давай, поешь ещё, – предложил после обмена любезностями Фёдор.

– Да я наелся уже...

– Ну, раз наелся, поговорим теперь о самом главном. Просьба-приказ у меня к тебе есть: ночью и в непогоду по тайге не блуждать.

– Что, леший бродит? – хохотнул Святослав.

– Ты это вот сейчас так легко смеёшься, но не дай бог тебе его увидеть воочию!

– Да брось ты... – махнул рукой Святослав.

– Думаешь, перепил и болтаю что попало? – немного обиделся Фёдор.

– Нет, не думаю.

– Правильно, что не думаешь. Тогда продолжим. Так вот, днём шляйся, сколько хочешь... Он днём спит, наверное, или людей боится.

– Ты что – его видел? – проникшись словами Фёдора, спросил Святослав.

– Сам не видел, но говорят.

– Кто говорит, в тайге-то? – наивно переспросил Святослав.

– Молва говорит. Она ведь никогда на пустом месте не вырастает, – внятно стал объяснять Фёдор.

– А откуда это «радио»?

– Кажется, слухи пошли от одной какой-то старушки.

– О лешем что ли?

– О волосатом чудище – человеке с ног до головы покрытом волосами и под два с лишним метра ростом, – эмоционально и громко рассказывал Фёдор, подкрепляя свой рассказ жестами.

– Обезьяна, значит, – вставил Святослав.

– Нет, не обезьяна. А что-то между...

– Обезьяной и человеком?

– Да, вроде того.

– И он что, всегда только ночью бродит? – спросил Святослав, всерьез заинтересовавшись.

– Ночью, но только в такую погоду, когда хороший хозяин свою собаку-то на улицу не выпустит, – уточнил Фёдор.

– Что-то ты всё-таки выдумываешь. Не может этого быть, – недоверчиво заметил Святослав.

– Все говорят, что этого не может быть. Я тоже не верю. Нас, охотников, не убаюкать такой сказкой, но каждый, да и я, признаюсь, в том числе, всегда чего-то побаивался, когда ночью далеко уходил. Можешь верить, можешь – не верить, но что-то тут и вправду нечисто. Так что, считай, я тебя предупредил.

– Интересно, а где родился этот волосатый детина ... и откуда он пришёл? – увлечшись рассказом Фёдора, спросил Святослав.

– Вот это и есть самый главный вопрос. И поэтому, слушай дальше. Одна старушка рассказала моему другу – пожилому местному охотнику – про то, как когда-то один ученый-биолог... поженил между собой обезьяну и человека, – таинственно начал Фёдор.

– Чего, чего? – спросил Святослав, привстав даже от удивления со стула.

– Вот тебе и чего. Говорю то, что сам слышал. Понимаешь, у этой старушки была соседка, которой охотники привезли подобранную в тайге девушку. Она была умалишённая, ну, можно сказать, юродивая, и потому, наверняка, никому не нужная. Она долго всё бродила и бродила по тайге, пока охотники её не подобрали, не приютили, и не сделали помощницей по охотничьему домику. А с наступлением холодов, перед возвращением из тайги в город, пожалев, пристроили девушку у этой соседки в пригородном посёлке... И вот однажды к этой соседке в гости приехал племянник. Пожив у неё некоторое время, он подружился с этой блаженной и увёз её с собой в город. А поскольку он был биолог, то решился на эксперимент: сподобился где-то раздобыть обезьяну-шимпанзе и поместил её вместе с девушкой в отдельную комнату. Этот, так называемый, эксперимент длился больше, чем год. В своём опыте биолог, как говорят, стал применять радиацию в небольших дозах – пытался изменить гены. И думал, наверное, при этом, что если она умалишённая, а не как все обычные люди, а шимпанзе не так умён, как

человек, то, если их пичкать всякими лекарствами, выведет он новый вид человекоподобных... Гены хотел поменять. Не знаю, сколько он их мучил, но в один прекрасный день или в ночь родился этот волосатый мальчик. Рос он не по годам быстро и уже скоро стал большим. И однажды, когда учёный куда-то уехал, девица возьми, да и убеги в тайгу вместе со своим сыном. Где-то под землёй, в норе, вдалеке от людей, они нашли себе пристанище и стали там жить. А нора же находится в какой-то пещере. А вот где их пещера находится – об этом никто до сих пор не знает и вряд ли когда узнают. С того момента и по сей день про них никто больше ничего не слышал. Она, наверное, давно уж умерла. А он, как призрак одинокий, бродит страшными ночами по тайге в поисках еды...

Такой вот слух, Святослав. И ты знаешь, я в это однажды даже поверил, когда прочитал в одной книге по археологии о том, как появились первые люди при помощи радиации урановой. Тогда подумал, вот те на, что может на свете происходить!

– Короче, дорогой мой гость, – Фёдор сочувственно посмотрел на Свята и сам призадумался, долго и молчаливо сидел под впечатлением собственного рассказа. Потом, посмотрев на Святослава, произнёс, как бы размышляя вслух:

– Если это человек, то такой судьбы никому не пожелаю. А хотя, может ему всё это и нравится даже. Ведь он, живя так в тайге, вдали от людей, ни от кого не зависит и, как говорится,

никому ничего не должен.

Но кроме этих старушечьих слухов, Святослав, о появлении волосатого детины есть и другая молва, которой я больше всего верю, и с которой согласны многие. Понимаешь, в наш век, где воздух не так чист, как раньше был, и где вода и еда стали, как говорят сейчас, с «пестицидами», стали часто рождаться дети с разными физическими недугами. Был же, к примеру, случай, когда девочки родились с одним телом; когда мальчик родился с чешуей, как у рыбы. И этот леший (как мы, охотники, его называем), думается, родился тоже не совсем обычным – с волосами по всему телу, чего никто не ожидал. Но настоящая и любящая своего сына мама не отказалась от него, как сделали бы многие женщины, а полюбила ещё больше. И ей не было рядом с ним стыдно, но когда он стал расти, она, я думаю, стала понимать, что над ним смеяться будут, а позже и вовсе – издеваться. Вот тогда то, наверное, и решила спрятаться подальше от людей – в тайгу, поближе к природе. А природа, она всех принимает. Вот приняла она и их, дав возможность найти укрытие, пещеру какую-то, что стала для них потом родным домом.

Закончив свой рассказ, Фёдор по-дружески обнял Святослава и, глядя ему в глаза, нравоучительно спросил-посоветовал:

– Послушал мою добрую сказку о происхождении человека? И поэтому просьба к тебе: не усыпляй свою бдительность и опасайся встречи с ним. В этой тайге он, скорее всего, оди-

чал, и кто знает, как себя с людьми поведёт. А хотя, может быть, его и вовсе не надо бояться.

– Почему ты так думаешь? – удивлённо спросил Святослав.

– Понимаешь, – увлечённо продолжил Фёдор, – все мы, люди, думаем, что это странное волосатое существо – дикое, опасное, страшное, и навешиваем на него всякие ужасы. Но это может быть совсем не так, мне кажется. Видишь ли, человек, который «сливается» с природой и живёт в ней долго, становится намного чище и лучше, чем мы. Если, Святослав, ты хочешь спросить моё мнение о том, какой молве я больше верю, то отвечаю тебе как на духу: верю больше той молве, где говорится, что он стал волосатым от природы.

В ответ Святослав слегка улыбнулся и тихо произнёс:

– И мне она ближе. И поэтому, если что...

Фёдор перебил его:

– В родственники ему набиваешься?

– Нет, – задумчиво сказал Святослав. – Я думаю, если ему там действительно очень одиноко и, если я к нему с добром отнесусь, то своим присутствием в тайге сделаю его жизнь только разнообразней.

– Ну, в таком случае, как говорится, желаем вам мира, добра и взаимопонимания, – радостно проговорил Фёдор.

Все это – побег, разговор с Фёдором, пронеслось в голове у Святослава, пока он приближался к своему таежному при-

станицу с драгоценной ношей в руках. Мальчишка спал, а суровое сердце таежного отшельника наполнялось какой-то необъяснимой радостью и душевным покоем. Он был счастлив за себя и за этого малыша, и за них обоих. Он теперь не одинок. Не зря он предчувствовал, когда бежал к месту трагедии, что его жизнь должна будет измениться. И вот она вмиг изменилась. Теперь он будет жить не только для себя. Он будет жить для двоих. И даже встреча с «лешим» уже не так пугала. Тот ведь не нападал, не пытался специально напугать. А в его крике-стоне «У-во-о-о!» Свят услышал не угрозу, а, скорее, тоску, одиночество и, как ни странно, жалость и желание помочь.

Размышляя так, он мысленно благодарил своего друга, Валентина Николаевича, знакомство с которым когда-то перевернуло его жизнь...

Глава 3

Игры и игрушки

...С мыслями и воспоминаниями о том, что привело его в лесной край, Святослав стал различать вдалеке охотничий домик, который когда-то предоставил ему Фёдор. Мужчина шёл, погружённый в свои приятные мысли и мечтания, пока ночь не освежилась дыханием грядущего утра. Вдали, на другой стороне гористой местности, проступили контуры до-

мика. Он быстро спустился с небольшой возвышенности и с удвоенной энергией начал подниматься на пологую горку. Там, за поляной, в глубоком лесу, укрытая под лиственницей и располагалась охотничья заимка.

Жильё, построенное из брёвен четырех метров в длину и трёх метров в ширину, служило в свое время Фёдору временным пристанищем, а теперь волей судьбы здесь жил Святослав. Высотой хижина была около двух метров. Швы между пригнанными друг к другу брёвнами были проложены толстым слоем мха. Пол и потолок изнутри были выстланы расколотыми и подтёсанными тонкими берёзовыми плахами. Для утепления потолок был выложен корой и дёрном. Окошко в избушке смотрело на юг. Для отдыха и сна сколочены нары. Освещалось помещение керосиновой лампой, а отапливалась металлической печкой. Была даже баня. Продукты держали в погребе, где еда хранилась в металлических коробах, чтобы не добралось зверьё. Чуть поодаль от домика был участок, удобный для посадки вертолёта. Невдалеке, в низине бил родник, не замерзавший даже зимой, что при таёжной жизни особенно важно.

Свят никогда и подумать не мог, что станет таёжным отшельником. Но судьба нас не спрашивает, чего мы хотим. «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – богатство найдешь...», – такие указатели бывают только в сказках...

Мечтал ли его друг том, чтобы провести полжизни в заключении? Вряд ли. Не может человек загадывать себе такую судьбу. Святослав вспомнил рассказ Фёдора о брате.

– Первый раз Валя получил свой срок в послевоенные годы, – вспоминал Фёдор во время одной из бесед в его московской квартире. – Но за что он тогда загремел на двадцать лет, я конкретно не знаю, он об этом случае почему-то не любил говорить.

А второй раз он угодил на зону, заступившись за женщину. Однажды, вскоре после освобождения, шёл он как-то по окраине города, и слышит – женщина кричит-надрывается, а потом – оружейный выстрел, – продолжил свой рассказ Фёдор. – Валентин побежал к двухэтажному барачному домику, откуда доносился шум. Заскочив в подъезд, обратил внимание, что одна из дверей в конце коридора приоткрыта. Тихонько вошёл. За углом в комнате увидел лежавшую на полу окровавленную женщину. Та ещё шевелилась, а над ней стоял мужчина и держал перед собой ружьё. Брат очень осторожно, крадучись, направился в его сторону. Но человек его услышал, резко повернулся и вскинул ружьё уже в его сторону. Валя, конечно, не стал ждать, пока его убьют, не мешкая бросился на мужика и стал выхватывать оружие. Когда это удалось, мужик резко отбросил брата в сторону, быстро вскочил, и, открыв оконную раму, сиганул на улицу.

Валя встал на ноги, подошёл к лежащей женщине, но, пощупав пульс, понял, что та уже мертва. Он без промедления,

бросился за убийцей. Через то же окно выпрыгнул на улицу и уже собрался побежать по следу, но вдруг почувствовал, что левой ногой не может встать на землю. Видимо, выпрыгивая, неудачно приземлился. И в итоге... брат уже не за убийцей погнался, а пополз обратно в дом, в квартиру убитой женщины, чтобы соседи вызвали по телефону скорую помощь или позвонили в милицию. Впрочем, они уже и так «постарались». Когда приехала милиция, соседи сказали, что видели, как после выстрела один убежал через окно, а потом, указав на Валентина, добавили, что и он выпрыгнул через окно и хотел убежать. ...В общем, брата забрали. Отпечатки пальцев, которые он оставил на ружье во время борьбы с убийцей, и стали главной уликой. Его осудили за соучастие в групповом преступлении, лишив свободы на срок около двадцати лет. Такие вот у судьбы злые игры, – в задумчивости, глубоко вздохнув, закончил свой рассказ Фёдор.

Свят подумал, что и с ним судьба сыграла совершенно неожиданную шутку. Вот только злую или добрую? Да, он сумел сбежать из зоны, но обрёл себя на скрытую жизнь в таёжной глуши.

И всё же он был свободен. Годы одиночества в тайге шли своим чередом, а теперь судьба, пусть и при трагических обстоятельствах, сделала ему неожиданный подарок. И жизнь наполнилась радостным ожиданием, появился интерес к жизни – он не один на лесных просторах. Ведь теперь

у него есть друг – детёныш тайги, который ещё ничего не понимает и сладко спит сейчас, уткнувшись ему в подмышку, ему – самому счастливому человеку на свете. Он будет воспитывать его как сына, а это маленькое существо будет с каждым днём расти и, может быть, ценить в будущем его как отца, сумевшего не только помочь выжить, но и получать радость от жизни, предоставленной судьбой.

Дойдя, наконец, до места и зайдя в домик, Святослав уложил спящего ребёнка на нары, сделанные из обтёсанных досок, и укрыл его фуфайкой. Сам же сел у окна и, глядя через него вдаль, постарался успокоиться и упорядочить свои мысли, силясь осознать всё то, что недавно произошло в его жизни. Чуть позже его взгляд упал на сумку, которую он, войдя в дом, оставил лежать на скамье. Вытащив из неё бумаги, он с удивлением стал их рассматривать, пытаясь понять, что там написано. Сразу прочесть их не получалось, так как на них были изображены иероглифы. Внимательно приглядевшись, он понял, что они принадлежат китайской письменности, так как, увлекаясь философией Конфуция, ему приходилось видеть его изречения в подлиннике. Только расправив авиабилеты и внимательно изучив документы при дневном свете, он смог кое-как разобрать имя младенца, которое было совершенно необычным для Святослава. Он медленно произнёс по слогам: «Ку-Цзы-Ма...». К его удивлению, это прозвучало почти как Кузьма. И тут же он решил так и назвать мальчика – Кузьмой. Это русское имя и стало новым

для малыша, как бы ознаменовав его второе рождение.

Довольный найденным для ребёнка именем, Святослав прилёг рядом со своим подаренным судьбой «сыном». Рассмотрев его при дневном свете, он заметил небольшую желтизну нежной кожи младенца и уловил в его личике восточные черты. Сопоставив такую наружность с именем, написанным китайскими иероглифами, Святослав предположил, что мальчик – китаец. С нежностью обняв его одной рукой, а вторую положив за голову, счастливый «отец» вскоре уснул. Он проспал бы так ещё долго, но его разбудили всхлипывания малыша. Может быть оттого, что ребёнок выспался, а может оттого, что согрелся под ватником, он не капризничал, а наоборот, казалось, был всем доволен. Вероятно, и голоден он пока ещё не был, но ведь скоро обязательно захочет есть. И как объяснить малышу, что здесь в тайге, где ограничены возможности в пользовании «благами цивилизации», ничего не делается быстро, по сиюминутному желанию?

Глядя на проснувшегося ребенка, пребывающего в детской безмятежности, Святослав хотел, чтобы его Кузьма был, как сейчас, всегда спокойным, понимающим и не требовательным. Заметив, что тот перестал всхлипывать и активно замахал ручками, Святослав вспомнил о гитаре и, взяв её в руки, прошёлся по струнам. По радостной улыбке мальчика, мужчина понял, что эти звуки ему понравились.

– На, держи игрушку, Кузьма! – сказал Святослав, поло-

жив гитару рядом с малышом.

Ребёнок с удовольствием забарабанил ручками по струнам и презабавно засмеялся. «Вот, оказывается, что его сейчас может занять! – подумал Святослав, обрадованный, что сообразил столь необычно применить музыкальный инструмент. – Да простят меня за это великие музыканты...».

Звуки гитарных струн увлекли ребёнка настолько, что он стал, не переставая, по ним колотить и дёргать что есть мочи.

– Давай-давай, сильнее дёргай! Если порвутся, закажу Фёдору новые. Он хоть целый мешок таких струн привезёт. Лишь бы тебе нравилось! Хорошая игрушка, правда? – спросил Святослав, наклонившись над малюткой.

Видя, как малыш смеётся и с наслаждением хлопает по струнам, Святослав встал и, пританцовывая, тоже начал смеяться вместе с мальчиком. Напевая, он подошёл к печке-буржуйке и принялся готовить для ребёнка нехитрую еду. Хорошо, что Фёдор недавно привёз про запас много круп, чая и разных консервов.

Так с этого музыкального утра и новой поварской роли Святослава началась совместная жизнь этих двух мужчин, взрослого и совсем ещё младенца, сумевших впоследствии найти общий язык и взаимопонимание.

Глава 4

Два плюс один

Погожим летним днём Святослав чинил, а точнее, переделывал берестяное лукошко. Он решил приспособить к нему ремень, чтобы собирая дары тайги, можно было носить Кузьму за спиной, в подобии рюкзака. После катастрофы прошло уже немало времени, и младенец-найдёныш подрос, и даже научился произносить первые слоги.

Кузьма вообще рос не по возрасту смышлёным. Взгляд его был настолько осмысленным, что с отцом, каковым малыш, несомненно, считал Святослава, мог говорить одними глазами, ничего при этом, не произнося и не слыша ни слова. Такое взаимопонимание говорило о полном единении взрослого и ребёнка, о том духовном и душевном родстве, в котором нет, и не может быть даже намёка на злобу и ненависть. Они были тихо, без слов, благодарны друг другу за обоюдную любовь и заботу. Такому очень редкому единению людей, которые ещё недавно даже не знали о существовании друг друга, может быть дана только одна единственная характеристика – предельное доверие, преданность.

Закончив работу, Свят направился к малышу. Тот держал в руках перевёрнутую вверх ногами газетную страницу, водил по ней пальцем, как будто пытался читать. Мужчине нравилось, что ребёнок сам умеет находить себе занятия, и он старался не мешать мальчику, когда тот был чем-то увлечён. Вот и сейчас, Святослав тихо остановился неподалеку, наблюдая за сыном и отдыхая в приятных размышлениях об

их совместной жизни.

...Раздумья Святослава прервал недалекий шум вертолётных винтов. Вскоре он стих, а где-то уже через полчаса на поляне появился Фёдор. Он, как обычно, привёз с собой вещи и продукты для таёжного отшельника. Это происходило не часто, по мере надобности – далеко не всё можно добыть в лесу своими руками, вот Фёдор и пополнял необходимый для таёжной жизни запас. Но на этот раз гостя ждала неожиданность: открыв дверь, он увидел ребёнка, и от неожиданности воскликнул:

– Что это за инопланетянин такой красивый у тебя гостит?

– Знакомься, Фёдор, это – Кузьма, китаец по рождению, русский по духу, – представил малыша Святослав.

– Нашего полку, стало быть, прибыло. Ну, здравствуй, Кузьма. Меня Фёдором кличут, а для тебя я – дядя Федя, – шутливо представился Фёдор. А заметив лежащую на топчане гитару, от удивления он даже засмеялся:

– Ух ты, твой Кузьма ещё, оказывается, и с музыкой к тебе явился!

– Эту его игрушку я нашёл на месте авиакатастрофы, – заметил Святослав.

– Какой авиакатастрофы? И как ты там оказался? – заинтересовался Фёдор.

– Ты что, разве ничего не слышал?

– Да, краем уха, по радио вроде что-то говорили о происшествии в тайге. Но как-то не обратил на это внимания. Был

приболевший.

– Фёдор, когда я туда прибежал, у меня от увиденного даже сердце зашло. Ничего страшнее и бессмысленнее, чем это царство смерти на мирной таёжной поляне, видеть не доводилось. Если хочешь – с подробностями поведаю, что произошло, и как я нашёл Кузьму.

Прослушав рассказ о случившейся трагедии, Фёдор осторожно взял Кузьму на руки и, прижав к себе, произнёс:

– Выходит, ты чудом уцелел...

– Боюсь только, заболит здесь, – высказал свои опасения Святослав.

– Есть такая опасность, и поможет один только способ: закаляй его холодной водой и укутывай получше, когда спит, – посоветовал Фёдор. – Продукты теперь я буду привозить почаще.

– И ещё у нас одна есть забота. Он свою игрушку любит так, что даже спит с ней. Только вот струны почти все порвал, – забеспокоился Святослав.

– За это не волнуйся. Привезу ему этих струн столько, что до самой старости хватит. А чтобы гитара не отсырела, я этому везунчику для нее из фольги сундучок сделаю. Ты же не спеша ещё хорошенько подумай, что вам нужно, а я привезу, – предложил Фёдор. – Договорились, «таёжный папа»?

– Договорились... Подумаю.

– Вот и отлично. С этим разобрались. А теперь давай принимай товар и угощай гостя. Заодно и именины Кузьмы

справим. Правда, Кузьма? – улыбаясь, подмигнул малышу гость.

После отъезда Фёдора прошло больше недели. Однажды, ранним утром, как обычно Святослав с лукошком за спиной, в которой сидел Кузьма, подходил к поляне в дальнем урочище. Вдалеке виднелся оставшийся ещё с ночи туман, наполняющий лёгкие свежестью. Наслаждаясь утренней прохладой, Святослав услышал сзади себя бормотание, что заставило его остановиться и оглянуться на Кузьму. Ручки малыша показывали на что-то. Заинтересовавшись, Святослав повернулся в направлении, куда указывал мальчик, и заметил под огромным рухнувшим деревом медведя. Ствол буквально раздавил зверя, который был ещё жив и, тяжело дыша, рычал, пытаясь высвободиться. А рядом беспокойно метался примерно полугодовалый медвежонок.

– Па-па! Ки-са... Ки-са! – вдруг внятно сказал малыш, показывая пальцем на этот маленький мохнатый комок.

Мужчина снял со спины лукошко и быстро направился в сторону зверя, опасаясь при этом его ярости и одновременно понимая, что необходимо срочно предпринять что-либо для его спасения. Приблизившись, Святослав понял, что перед ним медведица. А ещё понял, что при всём своём желании, он бессилён сделать что-то для её спасения. Положение было безнадежным – сучья упавшего дерева порвали плоть медведицы, а вес ствола переломал кости, в том чис-

ле, похоже, и позвоночник. Вытащить её в одиночку он был не в состоянии, да и смысла никакого это уже не имело – зверю не выжить. Святославу оставалось только с сочувствием смотреть на медведицу. Некоторое время она тоже смотрела на него с мольбой о помощи, как бы говоря: «Я уже всё... Умираю... А вот боюсь как мой милый медвежонок будет один жить... Возьми его, вырасти и не обижай». Но спустя несколько минут закрыла глаза и бездыханно замерла... С сожалением постояв над бездыханным телом, он услышал какую-то возню, оглянулся и замер от удивления: Кузьма и медвежонок играли – человек размахивал ручками, крутил головой, а зверёныш в ответ подпрыгивал и вставал на задние лапы. Они явно испытывали друг к другу неподдельный интерес, и каким-то детским своим наитием полностью доверяли друг другу...

Под впечатлением умоляющего взгляда медведицы, Святослав почувствовал жалость к медвежонку и понял, что только он один теперь ответственен за его жизнь и твёрдо решил для себя не оставлять этого забавного зверёныша, который сразу же подружился с его сыном. Он не стал сразу подходить к нему близко. Встал невдалеке и, улыбнувшись, подмигнул медвежонку:

– Ну что, пойдёшь с нами?

Как известно, большинство зверей по-доброму реагируют на человеческую улыбку, как на некий пароль, мол, «Я твой друг!». Но в то же время настоящим звериным своим чутьем

чувствуют фальшь. И если от улыбки буквально веет доверием, то человек уже не вызывает у зверя испуга и отторжения. Так природа, задолго до технического прогресса, придумала опознаватель «свой-чужой».

По своему жизненному опыту мужчина также знал, что когда начинаешь цокать языком, можно расположить к себе, например, собаку. В ответ она обычно начинает вилять хвостом и подпрыгивать от радости. Для неё этот звук означает приглашение поиграть или напоминание, что сейчас дадут что-нибудь вкусненькое. И порой достаточно одного цоканья, чтобы собака пошла за тобой.

Уловив возникшее между собой и маленьким зверем взаимопонимание, Святослав решил попробовать применить этот испытанный приём и к медвежонку. А вдруг поможет? Вытащив из кармана сухарик, он положил его перед собой и стал поцокивать. К его удивлению, медвежонок тут же отреагировал на этот звук жалобным рычанием и, подпрыгнув, направился к мужчине. Как выяснилось, маленький зверёныш тоже дружелюбно воспринимает такие звуки. Не дожидаясь, когда зверь приблизится, Святослав отвернулся и, двигаясь боком, медленно пошёл, наблюдая за медвежонком. Тот понюхал сухарик, лизнул и, осмелев, с жадностью съел его. По-видимому, он был очень голоден, раз проглотил пищу с таким незнакомым запахом.

Облизываясь после угощения, медвежонок поглядел на уходящего Святослава и сидевшего у него за спиной в лу-

кошке Кузьму и, качая головой, лениво заковылял вслед за ними. А Святослав, изредка поглядывая на него, шёл, и, поцокивая, заманивал медвежонка идти за собой. Кузьма же, уловив, как «говорит» его папа, поддержал его и тоже стал цокать, радостно смеясь и маня ручками зверёныша, приглашая идти за ними. С этого времени цоканье стало своеобразным языком взаимопонимания между Святославом, Кузьмой и медвежонком. Чуть позже Кузьма именно так подзывал зверёныша, когда хотел поиграть с ним...

От долгой ходьбы медвежонок со временем стал уставать. Святослав, заметив это, остановился, подозвал его к себе и взял на руки. Тот доверчиво позволил человеку столь вольно с собой обращаться.

– А ты, оказывается, не такой уж и лёгкий, «кил» на эдак около тридцати потянешь. Правду я говорю, наш новый друг? – ласково стал беседовать Святослав с медвежонком. – Ладно, не смотри на меня так жалобно. Как ни тяжёл ты, а одного здесь тебя не оставлю. Будешь с нами жить.

Не имея ничего против ещё одного «подкидыша», Святослав в хорошем настроении шёл к своему охотничьему домику. В коробе за спиной сидел Кузьма, а на руках он нёс медвежонка. По мере приближения к дому, «косолапик» становился всё тяжелее и тяжелее, и в конце пути, почувствовав усталость человека, благодарно лизнул его в щёку, спрыгнул с его рук и поплёлся рядом своим ходом, как бы говоря Свя-

тославу: «Я зверь понятливый, и чувствую, что ты устал меня тащить. Спасибо тебе за это. А сейчас пока отдохни от меня».

Неожиданно неподалеку раздался шорох. Святослав оглянулся и заметил лежащего тигра. Тот, вероятно, отдыхал после сытного обеда – вблизи валялись остатки растерзанной звериной туши, и грелся на солнышке. Мужчина встретился с хищником взглядом и испугался – не за себя, а за ребёнка и за медвежонка тоже.

Замерев на месте и уставившись на тигра, Святославу вдруг вспомнил разговор со своим дедом в детстве. Тогда, прогуливаясь однажды по лесу, он спросил у него, правда ли, что самый страшный зверь в лесу – тигр? На что услышал в ответ: «Он страшен, когда голоден. Когда тигр сыт, он обычно спит. Как и ты, внучок, он не любит, когда ему мешают отдыхать. В это время его надо всегда обходить стороной и не спеша уходить. Главное – не надо бежать, а то ты его побеспокоишь и заставишь себя догонять. И ещё, запомни, при встрече с тигром не надо смотреть ему в глаза».

Вспомнив этот разговор, Святослав сделал все так, как когда-то советовал ему дед, и когда они оказались уже на безопасном расстоянии, подумал: «В самый раз пригодился этот полезный совет дедушки...»

Жизнь обитателей тайги, которых объединила судьба, с самых первых минут была основана на крепкой дружбе и

преданности друг другу. И даже когда их стало трое, мало что изменилось – жизненные устои людей распространились и на медвежонка. У Святослава же появились два спасенных им маленьких существа, которых он искренне любил, и за которых отвечал.

Со временем Кузьма становился не по возрасту крепким и выносливым ребёнком. Ему было приятно находиться рядом со Святославом всегда, не только, когда тот отдыхал, но и когда работал. Какой бы работой тот не был занят, мальчик старался во всём подсобить своему отцу, чтобы получить его молчаливое одобрение.

Вот и сейчас, подтаскивая небольшие сучки к домику, он стремился показать, что стал уже почти таким же сильным, как папа: выбирая ветку по силе, он старался нести её без тяжёлого дыхания усталости. Кузьме нравилась эта работа по заготовке дров на зиму. Святослав же с улыбкой наблюдал за маленьким тружеником.

Видя, с каким энтузиазмом мальчишка делает эту взрослую работу, Святослав подумал и решил сделать для него маленький топорик. Тогда он сможет «колоть» дрова уже своим собственным инструментом. Так у Кузьмы появилось первое личное «орудие труда», и он с огромным удовольствием возился рядом с отцом, заготавливая дрова. Конечно, он не мог сравниться в мастерстве со взрослым человеком, но пытаясь и мотаясь из стороны в сторону с топориком в руках, мальчик, в конце концов, добивался своего. А когда возле него

вырастала кучка свежих веток, пахнущих приятным лесным ароматом, он искренне радовался этому.

Сделав заготовку, Кузьма посмотрел на Святослава и увидел, как тот большими охапками носит поленья и складывает их у стены домика. Малыш тут же занялся и этой работой – стал перетаскивать на своё место подготовленные им «дрова». Когда работа была завершена, Святослав взял довольного и разгорячённого Кузьму за подмышки и разом окунул в бочку с водой, которая стояла у самого входа в избушку. Мальчишка, радостно визжа и бултыхаясь, брызгал водой во все стороны.

На шум такого весёлого купания появился и медвежонок, который с тех пор, как его подобрали и приютили, далеко от избушки никогда не убегал. Закончив свои водные процедуры, Кузьма стал играть с Кисой, – так Кузьма окрестил зверя, впервые его увидев. Любимой его забавой было бегать вокруг медвежонка. Кружась вокруг Кисы, он заставлял того кружиться вокруг себя. От такого вращения зверь потихоньку начинал шататься из стороны в сторону. В конце концов, мальчик, доведя медвежонка до такого состояния, обхватывал его руками за шею, и шататься начинали уже оба, а потом, упав вместе на траву, весело кувыркались на ней, каждый своим звуком выражая удовольствие. Встав на ноги, они начинали бороться друг с другом.

Кузьма, благодаря четвероногому другу, выучил приём, при помощи которого мог одолеть своих соперников. Так,

двигая рукой сверху вниз под углом, что было похоже на удары сбоку с загребанием, и помогая себе корпусом, он валил противника к земле, параллельно с этим пальцами стараясь поцарапать ему лицо. Устав действовать одной рукой, он легко сменял её на другую.

У медвежонка были острые когти, от которых Кузьме поначалу, ой, как крепко доставалось, хотя Киса выпускал их только играючи. Уже потом, натренировавшись использовать этот прием с Кисой досконально в детстве, повзрослев, Кузьма мог без труда бить сбоку и раздирать лицо своего обидчика, что стало его любимым способом защиты в любой схватке...

Занятый своими делами, Святослав иногда, услышав, как они весело играют, останавливался в сторонке и с удовольствием за ними наблюдал, но, замечая по солнцу, что приближается время обеда, начинал готовить «борцам» еду.

Повзрослев, медвежонок всё чаще стал уходить в тайгу. Такое стремление к воле – естественное состояние для любого зверя. А медведь к тому же зверь своенравный и даже капризный. Он всё делает по своему настроению, и, упаси Бог, начать баловаться с ним, нарушив и потревожив тем самым его независимость. Тут он покажет всю свою истинную сущность. Кузьма с малых лет навсегда уяснил для себя, что с Кисой без опаски играть можно только тогда, когда он этого сам захочет. Когда же зверь не «в духе», то к нему опасно

не только близко подходить, но даже и думать об этом. Из-за этой его непредсказуемости с мохнатым другом всегда надо быть настороже.

Убегая в тайгу, Киса всё же не оставлял Кузьму одного надолго. Привязанность медвежонка к маленькому человеку с самой первой их встречи заставляла скучать по нему, и возвращение обратно к Кузьме становилось для Кисы необходимостью. В ответ Кузьма, чувствуя желание своего друга увидеться с ним, искренне радовался и обнимал зверя. Повзрослев, Кузьма по-прежнему старался не нарушать минуты уединения своего Кисы, а зверь привык к нему настолько, что они друг без друга уже не могли существовать. К тому же ребёнок, как ни странно, научился в точности копировать произносимые зверем звуки, что позволило ему научиться разговаривать с Кисой на понятном ему «медвежьем» языке и это окончательно сплотило их. Такие дружеские отношения между зверем и человеком, основанные на понимании и поддержке друг друга, важны не только в привычной для нас жизни, но и в тайге, где из-за суровости бытия они обретают особую ценность.

Деревенские, да и городские жители, имеющие домашних животных, не раз могли наблюдать, как их питомцы, побродив на свободе и возвратившись обратно, любят прилечь рядом с хозяином. Порой они просто молча подходят и, удобно устроившись, ложатся рядом с человеком.

А бывают и необъяснимые, на первый взгляд, взаимоот-

ношения между людьми и животными. Например, иногда задумавшись о чём-то надолго, человек уходит в себя, в свои мысли. Когда же возвращается обратно в реальность, выходит из такого отрешенного состояния, часто замечает, что и домашняя живность, оказывается, как будто тоже вместе с ним ушла в пространство без времени. Животные, вероятно, угадывают такое состояние человека, и погружаются уже в свои воспоминания, расположившись рядом с ним и частенько глядя в том же направлении, что и хозяин. Такое может быть только при полном доверии к «своему» человеку. Почуввав же на себе взгляд «вернувшегося» хозяина, животные тоже медленно начинают приходить в себя. В таких случаях они часто понимают своего хозяина и без слов, заранее, наверное, чувствуя, что тот обязательно отблагодарит их за такое единение, накормив и приласкав любимцев. А в ответ животные, как никто, умеют быть искренне и бесконечно благодарными за любое, даже незначительное внимание и заботу, становясь ещё более преданными своему хозяину.

В один из солнечных дней Святослав, увлечённый починкой окна, обратил внимание, что возле домика стало необычно тихо. Забеспокоившись, он вышел на улицу и стал звать Кузьму, но тот не откликнулся. Неожиданно среди тревожной тишины совсем рядом послышался хруст веток, и на землю что-то упало. Оглянувшись, он увидел, как медвежонок, упавший с огромного, двухметрового в диаметре дуба,

с рычанием быстро встал на лапы и вновь попытался вскарабкаться наверх. А сразу после этого мужчина заметил и Кузьму, который медленно выползал из дупла, в котором спрятался, чтобы немного передохнуть, и с новыми силами продолжить лезть на верхушку дуба. Наблюдая за этим, Святослав с гордостью отметил, что Кузьма проделывает это необычайно легко, уверенно перелезая с одной ветки на другую. «Не зря, значит, он подолгу болтался на ветвях разной высоты деревьев, растущих рядом с избушкой. Видно, натренировался на них, а на этом великане-дубе теперь решил свои силы попробовать», – вспомнил Святослав упражнения Кузьмы в «древесной гимнастике». Святослав был очень доволен, что Кузьма самостоятельно научился легко лазать по деревьям. Эти навыки развили у него ловкость, силу рук и цепкость пальцев, которые очень помогали в заготовке запасов кедровых орехов на зиму. А также это ощущение силы позволяло чувствовать себя увереннее в непредсказуемой тайге, где в любой момент и в любом месте подстерегает опасность. Но особой защитой и опорой для Кузьмы в этих таёжных диких дебрях был его друг – медведь. Рядом с этим могучим зверем мальчик мог чувствовать себя почти всегда и везде неуязвимым...

Удостоверившись, что с мальчиком всё в порядке, он успокоился и продолжил чинить окно. Во время работы ему в голову неожиданно пришла мысль осмотреть дупло дуба внутри и, если позволит пространство, сделать там для Кузь-

мы его личную дополнительную «комнату», вроде учебного класса, где тот в дальнейшем сможет, уединившись, учиться читать и писать, да и мало ли чем ещё захочет заниматься.

«Главное, надо обязательно сделать навес-крышу, чтобы дождевая вода не проникала внутрь. Потом надо решить, как оборудовать помещение внутри дупла всем необходимым, чтобы там для него было удобно играть и заниматься. А также подумать, как сделать внутреннее пространство достаточно освещённым, чтобы не портились у Кузьмы глаза, – размышлял Святослав, вдохновлённый своим планом отделочных работ. – Ну и, конечно, надо не забыть прикрепить на дуб верёвочную лестницу, чтобы и мы с Фёдором смогли забираться в «гости» к Кузьме, – предусмотрительно подумал Святослав. – Когда надо будет, мы снизу ему свиснем, а Кузьма быстро скинет её вниз, а уж мы с Фёдором как-нибудь, да вскарабкаемся. А лесенку я прикреплю к стенке во внутренней части дуба».

Святослав, довольный своими планами, улыбнулся, зная, что всё это непременно понравится Кузьме, так как по своему детству помнил, что каждому ребёнку когда-то становится нужна собственная территория, где он мог бы побыть какое-то время наедине с самим собой. «Обязательно обустрою для него это дупло, чего бы мне это ни стоило», – окончательно решил для себя Святослав.

Часто наблюдая за ребенком и медвежонком, он замечал, что его дети, Кузьма и Киса, налазившись вдоволь, с уста-

лости оба усаживались на траву у охотничьего домика и, запрокинув головы вверх, долго провожали взглядом облака в небе, думая в этот момент каждый о чём-то своём. А может быть, они думали об одном и том же, и их мысли становились схожими в своих мечтах и фантазиях? Дескать, а как там, наверху, есть такие же, как они; а если есть, то не сидят ли они сейчас вместе и не смотрят ли на них?..

Закончив ремонт окна, Святослав тут же занялся дуплом. Ему понадобилась всего неделя, чтобы обустроить там достаточно удобное место, где Кузьма спокойно сможет учиться, отдыхать и заниматься любым интересным для него делом. Святослав хотел, чтобы его сын разносторонне развивался, и ничто не было бы для него помехой. «Раз уж мы по воле случая оказались здесь, так пусть всё нас окружающее станет полезным и удобным для моего сына и для нас двоих», – думал отец.

Рассуждая так, Святослав, как ни странно, где-то в глубине души даже радовался их особому положению. Он убедился на собственном опыте, что в каждой плохой ситуации при желании можно отыскать и хорошее, к чему потом будешь относиться с благодарностью.

Глава 5

Чужая охота

Жизнь обитателей тайги постепенно налаживалась. Но время шло, и жаркое лето начало сдавать свои позиции холодной и неуютной осени, чье наступление предвещает в здешних краях частые ветры, бесцеремонно срывающие с берез и осин яркие жёлтые и красные листья. С приходом холодов свой цвет с бархатно-зелёного на золотой начинают менять лиственницы. По вечерам взлетают на их ветви пестухи-глухари и набивают свой зоб золотыми иголками. Пересвистываются в темных ельниках рябчики. Поздней осенью прилетают снегири и охотно клюют красные ягоды рябины. Порой накрапывает уже холодный дождик вперемешку с мокрым снегом, и зверьё начинает готовиться к зимовке.

Святослав всё чаще стал задумываться о том, как поведёт себя в здешних таёжных холодах Кузьма – ведь он ещё совсем ребёнок. А вдруг эта зима будет необычно холодной? Что тогда? Он не забыл, как ему, взрослому мужчине, нелегко было прошлой зимой, а тут – неокрепший малыш.

Кузьма подрастал, как говорится, не по дням, а по часам, и они с медвежонком стали всё чаще уходить подальше от избышки. Как-то в один из осенних вечеров мальчика весь день не было дома, и Святослав не на шутку встревожился – уж не случилось ли что-нибудь? Он уже собрался было на поиски, как вдруг заметил за пригорком приближающихся к дому Кузьму и Кису, которые сильно, видимо, подустав, еле передвигали ноги. Вскоре «дети» остановились перед Святославом. Кузьма виновато опустил голову, опасаясь увидеть

немой укор в глазах отца, но на этот раз, впрочем, как и всегда в подобных ситуациях, отец не стал ругать сына, а просто поднял его на руки и прижал к себе. Не забыл он приласкать и зверя, который со временем очень привязался к своему взрослому другу. Медвежонку особенно нравилось, когда Святослав гладил его по лобастой голове, – Киса получал от этого огромное удовольствие.

Кузьма выглядел намного старше своих полутора лет, на вид ему вполне можно было дать годика три. Игра с медвежонком, постоянное пребывание на свежем воздухе, работа по хозяйству, в которой он старался не уступать своему отцу – всё это делало его взрослым не по годам. Да и аппетит у малыша был хороший, и ел он всё «взрослое», то же, что и папа: мясо, грибы, рыбу, а на десерт – разные лесные ягоды. Ну а вместо чая подавался обычно настоей из трав. Хотя эту самую натуральную еду назвать только едой для взрослых нельзя, для быстрого роста и укрепления детского организма, именно такие продукты наиболее ценны.

Однажды, когда осень уже вступила в свои права, Святослав и Кузьма, в поисках поздней рябины и терна, ушли слишком далеко от дома. Увлёкшись сбором ягод, они не заметили, как быстро прошло время, и наступил вечер. Мужчина начал волноваться – стало казаться, что он заблудился и не сможет найти дорогу домой.

Подумав, Свят решил пойти вдоль небольшой горки, в на-

дежде, что этот путь выведет его на знакомую тропу. Однако в быстро наступающих сумерках не рассчитал расстояние, и, шагнув на следующий камень, подскользнулся, за что-то зацепился, упал, и, не удержавшись, полетел вниз по каменистому склону. Синяки и шишки после падения мало его беспокоили, гораздо хуже было то, что была сильно ушиблена нога, отчего он не мог даже ступить на неё.

Почувствовав своим детским умом всю серьёзность ситуации, к нему не спеша и аккуратно спустился Кузьма. Как и любому ребёнку, ему было страшновато и от случившегося, и от наступающей темноты. Малыш, однако, не заплакал, а просто наклонился и с сожалением посмотрел на мужчину. Немногословность и умение понимать взрослого уже в таком возрасте стали неотъемлемыми чертами характера мальчика. Сын, не спеша, как сумел, помог отцу привстать, чтобы опереться на корягу. Придя в себя, Святослав начал потихоньку, преодолевая боль, идти.

К этому времени уже окончательно стемнело. Как назло стал усиливаться ветер, а через полчаса и вовсе пошёл снег. Святослав крепко обнял сына, который стал для него опорой, и они собрались уже подниматься в гору, как вдруг, мужчину что-то насторожило. Сработало наработанное долгим пребыванием в дикой тайге чутьё. Внимательно осмотревшись, он различил невдалеке, при слабом лунном свете, еле заметные силуэты каких-то животных. Приглядевшись еще внимательней, он, к своему ужасу, осознал, что это бы-

ли волки. «Этого нам ещё не хватало», – подумал Святослав и поспешил повернуть в другую сторону, крепко держась за Кузьму. Но, проковыляв немного, он понял, что хищники не отстанут, и не на шутку встревожился. Идти быстрее не позволяла нога, а оружия, собираясь на сбор ягод, Святослав с собой не взял – просто не рассчитывал так далеко уйти от дома, от знакомых и хорошо изученных мест.

Святослав как никогда напугался за малыша. Он ничего не мог сказать в ответ на обращённые к нему вопросительные детские взгляды. Оставалось только одно: прижать его крепче к себе, понимая при этом, что встреча глубокой осенью с голодными хищниками может грозить гибелью. Таёжник видел единственный спасительный для себя и сына выход – несмотря на боль, продолжать идти вперёд.

Испуг придавал ему достаточно сил для того, чтобы заставить себя идти, но надолго ли этих сил хватит?! Найти избушку тёмной ночью было практически невозможно, а трое волков по-прежнему не отставали, и, окончательно осмелев, приблизились на короткое расстояние и явно готовы были напасть. Один из зверей уже изготовился прыгнуть на Святослава, как вдруг маленький Кузьма быстро подхватил валившуюся рядом корягу и замахнулся на зверя. Волк моментально переключился на ребёнка, но Святослав, успев поднять малыша на руки, быстро упал на землю. Прикрывая собой ребёнка, он стал отбиваться от хищника, но тут на них набросились и двое оставшихся волков.

Ещё минута и звери растерзали бы людей... И в это же время из вечерней темноты проявилась фигура огромного волосатого человека.

Уво, а это был именно он, вначале безучастно посмотрел на повернувшуюся к нему рычащую стайку хищников и на распростёртых людей – событие, обычное для дикой тайги, где каждый всеми силами сам борется за пропитание, его не касалось.

Это была не его охота и не его еда. Пища ему доставалась разная и по-разному добытая, но он поедал мясо только тех животных, которых убивал в схватке, и только тогда, когда те на него сами нападали. А иногда ему приходилось находить и придавленных упавшими деревьями зверей, которые уже умирали, которых он вытаскивал и потом съедал, потому что всё равно они не выжили бы от серьёзных полученных ран...

Уже собираясь покинуть это чужое «ристалище», Уво неожиданно резко замедлил шаги. В его памяти мгновенно промелькнула картинка, как этот большой человек, терзаемый сейчас волками, снимал с дерева ребёнка после того, как что-то пылающее упало с неба... Он отчётливо вспомнил, что в тот момент как раз сверкнула огромная молния. А ещё он хорошо помнил свои детские годы, когда его мама, благоговевшая перед молнией и огнём, на костре, зажжённом ударом молнии, готовила какую-нибудь снедь. Мама всегда твердила, что костёр зажигают Боги и их надо ува-

жать.

Все эти воспоминания детства буквально в доли секунды пронеслись в голове волосатого человека, и он, замерев на месте, подумал, что, может быть, сейчас перед ним – посланцы самого Повелителя молнии в образе людей, и они нуждаются в его помощи? Решение пришло сразу, и с диким криком «снежный человек» в один прыжок оказался рядом со свалкой из зверей и людей. Он схватил одного волка за холку, прижал хищника к себе, и каким-то странным, видимо, только ему известным способом, стал душить зверя. Раздался хруст... Уво вырвал из схватки второго волка, и так же, молниеносно и без жалости, расправился с ним. Через считанные мгновения перед ним лежали уже два обмякших волчьих тела. Третий, успел увернуться, пустился наутёк. А Уво бросился к мужчине и ребёнку. Наклонившись над лежащими людьми, он похлопал их по щекам, проверяя, живы ли люди.

Святослав с трудом повернул голову и совсем близко от своего лица увидел два круглых глаза, которые буквально пронизывали его какой-то необъяснимой силой. Мужчина от страха вначале онемел, а потом, будто под гипнозом, глаза его начали слипаться. Волосатый Уво одной рукой взял ребёнка из крепких рук Святослава, другой – поднял мужчину и, ухватив их себе подмышки, быстро зашагал прочь. Он нёс их с такой лёгкостью, что, казалось, это не люди, а просто сухие поленья. Уво не просто быстро шагал, а временами

переходил на бег, во время которого он кашлял и частенько постанывал. Стонал он не от тяжести груза и не от усталости. Такая нагрузка для него была почти ничтожной, по сравнению с тем, что он привык испытывать, когда носил туши животных, возвращаясь с очередной «охоты» к своему жилищу в пещере. Но сейчас он не доставлял в пещеру добычу, он спасал подаренных ему молнией и огнем людей, впервые допуская в свой дом чужаков. И продолжал стремиться вперед, бережно удерживая драгоценный груз, даже когда очередной приступ кашля и получившийся особенно громким стон все же заставил его ненадолго остановиться. Ему казалось, что какая-то неведомая сила внутри него хочет вот-вот выскочить из ада и огненного жара, отчего там, в груди, всё буквально горело и клокотало. Необъяснимая для него его болезнь была намного серьезней понятных нам воспаления легких или гриппозных и других страшных вирусов. А может быть, это было ощущение старости с присущими ей недугами.

Впрочем, на вид Уво не выглядел дряхлым и состарившимся существом, его возраст можно было оценить лет на немногим более сорока, снаружи выглядел он крепким. Другое дело, и это, наверное, стало главным для него, заключалось в том, что большую часть из этих лет он провел в полном одиночестве и в условиях, лишивших его какой-либо душевной радости.

Его мать умерла, когда ему было всего пятнадцать лет. Пришла тоскливая жизнь. В последнее время воспоминания о детстве и матери все чаще приходили к нему, и это как бы давало ту самую, уже далекую душевную радость, но на очень короткое время.

Уво не был обделён способностью мыслить, и она помогала ему придумывать для себя что-либо, вызывающее положительные эмоции. В целом же он мыслил как вполне нормальный человек, а в некоторых случаях даже логичнее и оригинальнее, чем мы – люди. В полной пещерной тишине, где мысли не засоряются всякой ненужной информацией, у него со временем развилось необычное качество – способность чувствовать «дыхание Земли». Он получал радостное удовлетворение от этого понимания; от того, что волны, исходящие из недр планеты, как бы питали его мозг. Каким-то непостижимым способом эти волны позволяли ему размышлять обо всех природных процессах в целом, и радоваться тому, что само их существование возможно только в едином ритме живого и неживого. Эти мысли о возможностях природы, окутанные в объятия самой природы, наверное, и были спасением для Уво, защитой от того, чтобы не сойти с ума и не озлобиться; они заставляли думать о том, что он в первую очередь человек.

Кстати, способность чувствовать «дыхание Земли» не была присуща исключительно Уво. Ей обладают многие живые существа, иначе как объяснить, например, способность птиц

находить свои гнезда за тысячи километров, а аквариумных рыбок – предсказывать землетрясения. Есть ещё множество примеров необычного поведения самых обычных наших домашних животных, чувствующих перемены в природе: от перемены погоды до несчастья в семье.

Уво, несомненно, не был животным, он был существом разумно мыслящим. Но уединённый образ жизни и отстраненность от цивилизации позволили ему острее ощутить непосредственную связь с природой. Нам, обычным людям, мешает это сделать суета и обилие мелочных мыслей. Для Уво же его образ жизни дал толчок к специфичному развитию и мышлению. Живя под землёй, он без труда чувствовал, что все кругом «дышит» и движется в определенном ритме. Часто, находясь в полной тишине, он начинал чётко слышать и чувствовать этот ритм биения «сердца Земли», что вызывало у него некоторое удивление, иногда переходящее в страх. А когда он заболел, и воля его ослабевала, то этот однообразный и ритмичный стук как будто сливался со стуком его сердца и давал ощущение, что оно вот-вот выскочит. Но вскоре, словно по волшебству, ритм начинал его приятно убаюкивать и приносить облегчение. Радость от осознания того, что биение его сердца вливается в ритм этого общего «дыхания», каждый раз изрядно способствовала выздоровлению от очередного недуга.

Вот и сейчас, удерживая в руках драгоценную ношу – людей, ставших ему близкими непостижимым образом, он

твердо верил, что «дыхание Земли» и в этот раз поможет ему. Нужно только дойти, дойти до дома...

Глава 6

«Я не подведу тебя, мама...»

Уво со своей ношей шёл сейчас под тем обрывом, где когда-то, много лет назад, навсегда потерял свою мать. Именно на этом месте он попрощался с ней, и затем почти каждый день приходил сюда, вновь и вновь восстанавливая в памяти сцену трагического происшествия.

В тот день они, как обычно, возвращались в свою пещеру. Мама рассказывала сыну очередную забавную и поучительную историю. Уво слушал мамин голос, и на душе у него было радостно. В такие моменты он отчетливо понимал, что он живёт счастливо благодаря только тому, что рядом с ним его любимая и заботливая мама. Но внезапно, в один момент всё это ушло – и счастливая жизнь, и, самое страшное, мама...

Все случилось очень быстро, Уво даже не успел ничего понять. Слушая мамин рассказ, он шёл впереди, и вдруг почувствовал, как руки мамы накрыли его голову, и от её сильного толчка он упал, а вслед за этим сверху на него упала и мама. Выбравшись из-под тяжести её тела и поднявшись на ноги, он увидел, что мама лежит на траве, а с затылка её течет кровь. Сын бросился к ней, без остановки и много раз

подряд повторяя только одно слово: «Ма-ма... Ма-ма...».

Оказалось, что с обрыва сорвался камень, но мать заметила его и за считанные доли секунды смогла найти единственный способ спасти сына – накрыла мальчика своим телом, приняв страшный удар на себя. Ещё не осознавший постигшей его беды, но растроганный до глубины души, Уво взял мать на руки, подошёл к берегу реки и положил её у воды. Она ещё была жива. Женщина стонала, но, несмотря на боль, не отрывала взгляда от своего ребёнка, и слезы тихо капали из её красивых глаз. Она смотрела на него и всем сердцем сейчас жалела своего сына, понимая, как ему без неё будет трудно.

Собравшись с силами, она лёгким движением руки пома-нила Уво, жестом попросила присесть рядом и проговорила: – Сыночек, скоро ты останешься один. Я чувствую, что не выживу. Похорони меня в нашей пещере. Я хочу всегда быть рядом с тобой. А когда Он придёт и за тобой, то тоже ложись рядом со мной, пусть мы навсегда будем вместе. А огонь и молния придут обязательно, и ты присоединишься ко мне вскоре после них. Это будет тогда, когда молния призовет огонь, и он разбросает по земле свои искры. Прими Его с радостью и гостеприимно, и будь благородным и вежливым, – сказав это, она хотела коснуться на прощание своего сына, и даже попыталась приподняться, но сил уже не было. На её лице мелькнула еле заметная улыбка, и, медленно опустившись, она тихо умерла.

Уво, словно окаменев, неподвижно сидел возле мамы и молча глядел на её застывшее в улыбке лицо. Его влажные глаза без плача выражали скорбь и опустошение души. Плакать он не мог, да и, наверное, не умел. Это была одна из тех, вероятно, немногих особенностей, которая отличала его от обычных людей. Уво только почувствовал, как его тело начинало дёргаться, как бывает это у замёрзшего человека.

Так и просидел он целые сутки на одном месте без движения, дрожа и не закрывая ни на секунду свои влажные от горя глаза. Только к вечеру следующего дня, придя в себя, он почувствовал растекающийся по телу холодок от неожиданно хлынувшего дождя. Уво накрыл лицо своей любимой мамы листьями лопуха, и, встав во весь рост, направился к реке. Ему не хотелось теперь жить в одиночестве, без любимого человека. Медленно, еле передвигая ноги, опустошённым взглядом глядя на воду, он ступал всё глубже и глубже в воды реки, и не собирался останавливаться.

Когда вода дошла до подбородка, он коротко обернулся назад и взглянул на тело своей любимой матери. И этого мгновенного взгляда на любимого человека было достаточно, чтобы полностью изменить своё намерение. Может быть, в это мгновение ему вспомнился наказ мамы похоронить её рядом и дожидаться посланников молнии. После этого, резко и мощно рассекая водную гладь, он буквально бросился к матери и, подойдя к безжизненному её телу, осторожно поднял его на руки и понёс за водопад, думая теперь об одном

– выполнить то, о чём она просила.

Хоронить маму Уво не стал, он просто не знал о людском обычае предавать умерших земле. Он просто положил её тело рядом со своей лежанкой в пещере, чтобы единственный родной ему человек был всегда рядом. И произошло то, что может показаться чудом – тело мамы не подверглось разложению и тлению. Такие случаи известны в людской истории: например, в подземельях Киево-Печерской лавры и Псково-Печерского Свято-Успенского монастыря мощи священнослужителей остаются нетленными веками. Видимо, такие свойства имеет особый микроклимат пещер. А может быть, не обходится это и без попущения Господня ... но не нам об этом судить.

Конечно, Уво ничего этого знать не мог. Он воспринял всё как должное, а близость мамы помогала ему жить дальше, ожидая обещанных ею гостей.

И вот сейчас Уво нес этих гостей, появление которых пророчила ему мама, в свою пещеру. Нес из последних сил, останавливаясь, кашляя и издавая стоны, надеясь только на то, что в подземелье, ставшим ему родным домом, он вновь поймает «дыхание Земли», которое, как обычно, придаст ему силы, а он сможет поделиться ими с находящимися без сознания людьми.

Надежды ему придавала искренняя вера в то, что и его мама тоже ощущала этот единый ритм, а, может, и сейчас

чувствует, когда лежит рядом с ним. И, конечно, поможет сыну, хотя и давно покинула этот мир. Ведь она часто говорила ему, а он навсегда запомнил и ни на минуту не забывал её слова: «Над нами Бог, и он всегда с нами одинаково дышит, а его дыхание всегда в нас».

Уво безгранично верил своей матери и не сомневался, что Бог, о котором она так много ему говорила, постоянно оберегает его своим дыханием и этим помогает жить и радоваться жизни. И частые мысли о том, что он здесь, под землёй, дышит и живёт не один, а вместе с мамой и с богом, придавала ему силы и веру в необходимость своего существования ради них. Вероятно, таким же образом, и некие Высшие силы давали ему способность ваять.

Неся Кузьму и Святослава в пещеру, Уво был доволен – он выполнял просьбу мамы, произнесённую ей перед уходом в мир иной именно в этом самом горестном для него месте. Уво решил для себя, что этот «большой человек» и есть, наверное, по словам его матери, Он, раз появился со своим дётёнышем от молнии и огня. И упали они вдвоём, наверное, сверху от Бога. Уво никогда их не прогонит.

С такими облегчающими его душу мыслями он и дошёл до пещеры

Войдя в своё одинокое жилище, Уво первым делом направился к ручейку, что журчал в дальнем углублении последнего из череды гротов пещеры. Шум его грузных шагов от-

зывался тяжелым гулом, уходящим в манящую своей таинственностью пустоту. Пещера была огромной, и надо было пройти несколько десятков, а то и более сотни метров по её пугающе-тёмному «коридору», чтобы добраться до нужного грота. Уво был единственным хозяином этой созданной природой карстовой пустоты, и единоличным обладателем её богатств. Забегая вперёд, скажем, что уникальные природные свойства пещеры, целебные воды и особый, присущий только ей микроклимат, не были единственными сокровищами, которыми Уво, сам того не ведая, обладал.

Добравшись до грота, Уво осторожно, по очереди, положил на пол сначала Святослава, а потом Кузьму. Те, то ли от усталости, то ли от гипнотического действия на них волосатого человека, находились в каком-то непонятном состоянии, напоминающем полусон.

Уво сразу же снял с них одежды, окунул спасённых им людей в подземный ручей, глубина которого местами достигала метра. Погрузив мужчину и ребёнка в воду несколько раз, волосатый человек вновь взял их в охапку и отнёс к глиняной лужице, что находилась совсем рядом. Вывалив своих гостей здесь в жидкой глине, он положил их на постель из веток и травы и закутал двоих в одно большое одеяло-покрывало, сделанное вручную его мамой. Оно представляло собой двойное изделие в форме квадрата со сторонами чуть более двух метров, собранное с внутренней стороны из лоскутов грубой натуральной ткани, а с внешней стороны – из мехо-

вых шкур ценных пушных зверей, плотно сшитых между собой. Он расстелил одеяло на так называемой постели меховой стороной вниз, уложил обоих на одну половину внутренней стороны одеяла и закрыл сверху другой половиной, плотно подоткнув одеяло со всех сторон. Получилось нечто наподобие спального мешка, внутри которого было очень тепло.

Завершив эту процедуру, Уво быстро направился к горячему ключу, что, булькая мелкими пузырьками, бил из-под земли. На ощупь нашёл железную миску, понюхал, налил в неё воды и положил на кипящий ключ. Пока вода в миске грелась, он отошёл в один из углов грота и, снова на ощупь, нашёл небольшой ящичек, где лежал высушенный мак. Набрал горсть мелких зерен, Уво положил их в посудину.

Вскоре отвар был готов, и он снова направился к гостям, что-то бормоча на ходу. Подойдя к ним и убедившись, что они спят ещё, Уво сел рядом и стал с любопытством их разглядывать, радуясь, что не позволил волкам растерзать этих «сыновей молнии». Радовался он и тому, что наконец-то он стал нужным для этих людей, которые, как он верил, с благими намерениями пришли в его жизнь в очень тяжёлый её период. Несмотря на темноту, он внимательно рассматривал гостей, и с удивлением находил в их виде сильные отличия от своей внешности.

Если для обычного человека пещерная тьма кажется непроглядной, то адаптировавшиеся к постоянному мраку

глаза обитателя подземелья могли улавливать едва заметный свет, проникающий через отверстие в стене, и, многократно отражаясь, всё же едва-едва освещающий пещеру. И этого было достаточно, чтобы Уво мог беспрепятственно передвигаться по своему жилищу и находить необходимые для него предметы, хотя иногда и ему приходилось делать это наощупь. Вот и сейчас темнота для него не была помехой – он мог отчётливо видеть своих гостей.

Разглядывая их, Уво понимал, что самое главное для него сейчас – сделать всё возможное для выздоровления этих двух существ, которые представлялись ему божественными посланцами – теми, о ком упоминала мама перед смертью. Он постарается сделать так, чтобы им понравилось в его пещере, ведь их послали Молния и Огонь – стихии, которым они с мамой безотчётно поклонялись.

Глина, в которой он искупал гостей, была лечебной, обладала успокоительными и снотворными свойствами, помогала вылечиванию от кожных болезней и заживляла раны. Конечно, Уво не знал научного объяснения этому факту, да ему это, собственно, и не было нужно. Просто он не один раз пользовался этим средством, поделывая это с мамой и без неё. А ещё он знал, что выздоровлению способствует таинственная пещерная тишина, в которой как бы замедляется само время. Она положительно действует на психику и нервы человека, помогает быстро восстанавливаться от недуга. Даже польза от сна здесь в два раза больше, чем на поверхно-

сти. Сколько раз в детстве мама лечила его при помощи глины и особо долгого сна! Она всегда говорила, что чем больше спишь, тем быстрее уйдёт болезнь. Это помогало и после схватки с дикими зверями, и когда начиналась обычная простуда. Он запомнил последовательность всех необходимых действий наизусть, и поэтому сейчас мог проделывать всё быстро и уверенно, почти автоматически. Уво горел желанием поставить на ноги своих гостей. И знал, что сейчас главное для них – подольше поспать после полезной глины.

Знал он и то, что необходимо будет сделать, когда они проснутся, и был уверен, что уже через два дня их ссадины и раны от волчьих зубов затянутся, боль утихнет, и к людям вернётся вкус к жизни.

Глава 7

В пещере: сны, мысли, тревоги

Когда под сводами пещеры прошло чуть менее суток, забытье отступило, и Святослав начал приходить в себя,. Вокруг стоял абсолютный мрак и безмолвие, и он попытался понять, сколько пролежал без сознания и что вообще с ним произошло. Где он находится, почему здесь так темно и тихо? «Уж не на том свете ли я, которым так часто пугают нас, живых?! Если так, то здесь, выходит, не совсем уж и не так страшно... Только вот прохладно здесь немного, а так жить

вполне можно», – попытался сам себя развеселить мужчина.

Слегка оклемавшись, он начал заставлять себя восстанавливать последние перед «отключкой» события. В памяти встали оскаленные волчьи пасти, которые неожиданно сменили пронзительные глаза волосатого чудовища. Именно эти горящие глаза, появившиеся совершенно неожиданно и как бы ниоткуда, и стали последней точкой, испугали его до такой степени, что сознание покинуло истерзанное волками тело.

Вскоре мужчину снова сморил сон, где, в этой подземной тишине, он снова почувствовал блаженство. Сквозь дрему Святослав начал вспоминать, как больно хлестали по телу ветки, когда волосатый человек его куда-то нёс. «А где же тогда был Кузьма? – будто током прошибло Святослава, отчего он мгновенно пришёл в себя. – Неужели его съели волки?». Отгоняя эти страшные предположения, он стал лихорадочно ощупывать лежанку вокруг себя. Руки, наконец, нашли спящего Кузьму, и мужчина с облегчением вздохнул: сын лежал рядом с ним. Погладив его, Святослав, удивился – мальчишка был весь измазан какой-то грязью. Ощупав себя, он убедился, что и сам покрыт грязевой коркой. Происходило что-то непонятное. Мужчина подёргал ребенка за руку, и тот начал медленно просыпаться. Однако спросить что-нибудь у Кузьмы Святослав не успел – в этот момент какая-то сила подняла его и лежащего рядом сына. Он успел почувствовать, что сила эта исходила от огромных, теплых рук.

Дело в том, что Уво, услышав, как зашевелились его гости, и поняв, что они очнулись, решил, что гостей пора отмыть от глины, и, взяв на руки, словно котят, поволок их к воде. По несколько раз окунув мальчика и мужчину в родниковую воду, он обратно одел на них их одежду и отнёс к стоящим невдалеке ящикам. Осторожно открыв один из них – длиной около двух метров, а шириной более метра – Уво достал оттуда два тулупа, сшитых из богатой пушнины – один большой, а другой поменьше. Окинув взглядом одежду и своих гостей, он улыбнулся – тулупы оказались тем как раз впору. Эти меховые одеяния напомнили ему детство, когда мама перед сном одевала на него маленького тулуп, а потом и сама одевалась в такой же. Когда Уво подрос и волосяной покров его стал плотнее, он мог обходиться и без дополнительного утепления, а мама перед сном продолжала укутываться в мех.

Как только хозяин пещеры одел своих гостей, те сразу ощутили, как стало разливаться приятное тепло по всему телу. А он, довольный своим поступком, продолжил ухаживать за гостями: аккуратно усадил их на настил из веток и хвороста, и сунул каждому в руки по большому куску варёного мяса. Уво догадывался, что они давно ничего не ели, и что голод всегда берёт своё. Святослав и Кузьма быстро всё съели, несмотря на то, что мясо было приготовлено без соли и не до конца проварилось. После еды они стали окончательно приходить в себя, и в душу закрался страх. Люди не могли

видеть в темноте пещеры существо, которое им помогает, но постоянно чувствовали на себе его пристальный взгляд. Создавалось впечатление, что всё это с ними предельно какая-то неведомая сила, тем самым полностью подчиняя их себе.

А эта «сила» – большой, густо покрытый волосом человек тем временем сидел в сторонке и с интересом рассматривал своих гостей. Накормив их, он дал каждому выпить настоя из мака, от которого тех начало клонить ко сну. Почувствовав их состояние, Уво поднял мужчину и мальчика на руки и перенес к ящикам, в один из которых уложил обоих рядышком на аккуратно застеленное пушиной дно. Хозяин понимал, что вместе гостям будет намного теплее и уютнее. Вспомнил, как в детстве сам, засыпая рядом с мамой, ощущал райское убаюкивающее тепло, и довольно улыбнулся.

Прежде, чем Святослав провалился в сон, ему послышалось, что где-то капает вода и он еще раз задал себе вопрос: «Где мы? Вот еще и странный писк слышится... Похоже, летучие мыши. А если это так, значит здесь есть жизнь, и мы – тоже живы. Да, живы, и все это не бредовые видения! – в очередной раз успокоил себя Святослав, и с удивлением отметил, – Как же сильно бьётся здесь сердце, я как будто слышу не только свой «мотор», но и сердечко Кузьмы».

Подумав об этом, он захотел дотронуться до сына и хоть что-то ему сказать, но не успел – сон буквально навалился на

мужчину, отключив сознание. Святославу приснилось, что он, словно пушистый солнечный шарик, медленно полетел куда-то в тёплые края. Проснувшись, он удивился, что ему, взрослому мужчине, могут сниться такие светлые, детские сны. Сколько раз за годы своей беспокойной «другой» жизни он мечтал хоть разок, хоть на минутку уснуть так, чтобы душа плакала от радости и тепла. И вот здесь, в неизвестности, в кромешной тьме, произошло чудо, которое, как ему показалось, длилось целую вечность. Это ласковое тепло манило его туда, где исчезали даже мелкие обиды на судьбу, на несправедливости жизни...

Хозяин же, удостоверившись, что гости крепко уснули, отошел, наконец, от них. Он был доволен собой, и направился к могиле мамы, чтобы поделиться с ней своими мыслями. «Теперь он будет долго спать рядом со своим детёнышем, – думал Уво, – ну и пусть спят. А я пойду, порадую маму, скажу ей, что все сделал так, как она об этом просила, что я принял «их» хорошо».

Присев возле останков мамы, Уво стал разглядывать один из изваянных им её бюстов, а потом устало уронил свою большую голову на грудь. Душевная усталость от последних тревог именно сейчас всерьёз дала о себе знать. Печальные воспоминания о маме и радостные эмоции от прибытия долгожданных гостей, о которых говорила мать, забрали у него много сил. К этому добавилось тяжкое дыхание и одышка,

которые в последние дни всё больше мучили его. Всё вместе это стало сказываться на его организме – силы уходили, самочувствие ухудшалось, а вместе с этим приходило в упадок и внутреннее состояние его души. Уво вовсе не волновало, как отнесутся к его состоянию гости, ему не была присуща «цивилизованная» рефлексия: «Что обо мне подумают?». Его мысли занимало совсем другое. Он словно почувствовал, что скоро увидится с мамой, с которой за последнее время он всё больше и больше говорил не только про себя, но и вслух. И всё больше крепло в нем желание наконец-то встретиться с ней в другой жизни.

Возможно, кому-то покажется, что подобные раздумья чужды такому полудикому существу, но это будет глубоким заблуждением. Во-первых, такое чистое, незамутненное мироощущение присуще всем маленьким детям. Но оно, к сожалению, быстро проходит. Подрастая, мы начинаем стыдиться своей непосредственности, теряем искренность восприятия, боимся показаться в глазах сверстников наивными и смешными. А совсем повзрослев, начинаем считать себя выше, умнее и сильнее подобных умствований, считая их ниже своего достоинства, попросту несерьезными. И лишь приближаясь к закономерному для всех концу, начинаем понимать, что не так-то всё в этой жизни просто, что все мы – лишь очередной смертный в бесконечной череде человеческих судеб. И человек начинает искать ответа на накопившиеся вопросы в воспоминаниях о прожитых годах, выискивая

в душе хоть какие-то ответы. С удивлением мы приходим к мысли, что никто, кроме матери, не может дать нам этого понимания... И нередко случается так, что с годами люди всё чаще начинают уходить воспоминаниями в своё счастливое детство, им начинает казаться, что только там было тепло и уютно на душе. А на закате жизни приходит окончательное понимание: с мамой я пришёл в эту жизнь, с ней и уйду. Родился, обласканный заботой самого близкого мне человека, и уйду опять в заботливой ласке; если не в жизни, то хоть в мыслях о ней.

Для многих людей такие чувственные «возвращения» – обычное дело. Что же касается тех, кто не избалован цивилизацией, а наоборот взращён в суровости жизненных ситуаций, где лишь изредка появляется на их пути «просвет», то понимание этой неразрывной связи остается с ними навсегда. Они не живут самообманом и временным комфортом, а являются частью самой природы. Они всегда остаются детьми и, наверное, эти «дикари» в некотором смысле счастливее нас, так как счастье, по их пониманию – это огромный объём испытаний и лишь малая толика радости после их преодоления.

Постоянная жизнь в суровых условиях тайги, дала Уво недюжинную силу и терпение, необходимые для выживания в дикой природе, где он, вынося все трудности и невзгоды, с годами лишь крепчал и крепчал. Но со временем никуда не уходила, а только росла его нежность по отношению к своей

маме. Душа его обростала природной любовью и порядочностью, что и проявилось в добром уходе за Святославом и Кузьмой. Всё это говорило о внутренней мягкости души и человечности «дикаря».

Философские раздумья Уво прервали тревога и чувство тяжести в груди. А затем его с удвоенной энергией стал одолевать кашель, усиливаясь всё больше и больше. Ради покоя своих гостей, он старался кашлять как можно тише, отчего по пещере разносился глухой, своеобразно хрипловатый звук.

Прокашлявшись, Уво с трудом поднялся и, тяжело дыша, стал ходить по пещере надеясь, что боль в груди утихнет, а потом медленно побрёл в свою «спальню». Возле ветонок, которые служили ему лежанкой, покоились останки его матери, которые после её смерти всегда были рядом. А вокруг них стояло много женских скульптур. Приблизившись к этой открытой могиле с дорогими ему мощами, Уво вдруг неожиданно зашатался и, потеряв сознание, рухнул возле них, успев еле слышно произнести: «Ма-ма...».

Прошло немало времени, прежде чем он очнулся. И придя в себя, с какой-то очевидной ясностью начал осознавать, что, вероятно, скоро настигнет его смерть. Из последних сил решил он попробовать приподняться, но, как ни силился, сделать этого не смог. Болезнь разом и окончательно одолела его, сделав совершенно немощным. Он лежал и мог только

с трудом поворачивать голову. Словно наяву, перед его взором возник образ мамы: она, как живая, улыбалась и протягивала к нему руки в желании обнять своего сына...

Но тут его мысли резко переключились на другое. Уво вспомнил о своих гостях. Уйти, не предупредив их и не попрощавшись с ними, он не мог, и потому, собрав все свои оставшиеся силы, стал громко и протяжно стонать: «Уво-о! Уво-о! Уво-о!..». Он подсознательно полагал, что слово «уво» – не просто имя, а общее название для человекоподобных существ. Поэтому в его стоне был зов, зов к людям, которых он принес в свой дом. Иногда, замолкая, он прислушивался, не раздадутся ли чьи-нибудь шаги. Но в пещере, как всегда, царила глухая тишина. С каждым вздохом дыхание его становилось всё тяжелее и тяжелее, а зов становился у него всё тише и тише, но он всё равно, из последних сил, продолжал звать...

Глава 8

Его звали Никита

Услышав сквозь сон странный звук-вой, Святослав сначала подумал, что это продолжается сновидение. Но, с усилием сбросив дрему, навеянную маковым настоем, он понял, что всё происходит наяву. Приподнявшись, он почувствовал, что Кузьма тоже проснулся от необычного и тревожного

звука. Испугавшись, мальчик прижался к отцу.

Святослав, погладив и успокоив сына, осторожно выбрался из ящика и не спеша, с опаской пополз на звук, в котором явственно угадывался зов о помощи. Глаза не привыкли к такой темноте, не сильно помогало и шедшее от стен слабое свечение. Не в силах ничего толком разглядеть, мужчина всё равно решил пойти на зов. Немного поблуждав, он достиг угла пещеры, заглянув за который, заметил невдалеке едва освещенный участок и быстро направился к нему. Свет был виден едва-едва, но все же позволял ориентироваться.

Святослав пошел на этот свет, и через несколько шагов, скорее, почувствовал, чем увидел в полутьме какое-то движение. Подойдя еще ближе, он, к своему удивлению, разглядел странное существо, полностью покрытое волосами. Существо лежало почти без движения, лишь грудь его слабо поднималась, издавая те самые невнятные звуки, которые они с сыном и слышали.

Сначала Святослав застыл от ужаса – перед ним был самый настоящий, огромный «снежный человек», чудовище из легенд. Но страх вскоре отступил – мужчина понял, что угрозы от чудовища не исходит, оно само нуждается в помощи. Перед ним было живое существо, и в этот момент вовсе не было важно, как оно выглядит, главное – ему нужно было помочь. Святослав быстро смекнул что к чему, и сделал правильный вывод – кроме этого странного существа спасти их с Кузьмой было некому. И ничего, кроме бесконечной бла-

годарности за спасение, Святослав в этот момент уже не испытывал. Не вызывало сомнений и то, что теперь он обязан помочь своему спасителю.

Мужчина приблизился к стонущему, и, казалось бы, совсем беспомощному хозяину пещеры, но тут рука того внезапно, словно сжатая пружина, распрямилась, и сильная рука крепко схватила мужчину за запястье и быстро потянула к себе. Рывок был такой силы, что Святослав с трудом удержался на ногах. Он внутренне собрался, готовясь дать отпор, хотя это был бы всего лишь укус мухи для такого «силача», но услышал лишь хриплый голос, походивший более на стон умирающего: «Уво-о!». После этого существо медленно и осторожно провело рукой Святослава по своей голове. Прикоснувшись рукой к его волосам, мужчина почувствовал, какие они жёсткие. А Уво стал медленно произносить по слогам: «Ма-ма, ма-ма, Ны-кы-та», – и, отстранив руку Святослава, показал ему на лежащее неподалеку тело человека, больше похожее на мумию. Уво произнес теперь всё в обратном порядке, вначале «Ны-кы-та...», а потом – «ту-ды... ма-ма, ма-ма...».

Замолчав, Уво просительно посмотрел на Святослава так, как будто хотел ещё что-то добавить, прежде чем умолкнуть навсегда. Святослав, глаза которого стали наконец-то привыкать к неполной уже темноте, стал различать кое-какие его очертания, а потом начал не спеша говорить, надеясь, что

«снежный человек» его понимает. Он спокойно и негромко повторял:

– Мама... Никита... Ты говоришь? Я понял, понял. Тебя Никита зовут, и ты хочешь к маме. Что ж, раз ты так очень хочешь, ты можешь теперь спать спокойно. Я все сделаю, как ты просишь.

Вместо ответа Святослав увидел, как губы волосатого человека медленно растянулись, издавая звук выдыхаемого воздуха, который в конце стал таким прерывистым, какой бывает обычно при радостном смехе. Вероятно, в это время Уво радовался – человек понял его. Как будто специально, чтобы Святослав смог это увидеть, от стен грота отразились лучи яркого солнца и на мгновение коснулись лица Уво. Наверное, сама природа, расставаясь с одним из своих сыновей, решила проводить его таким светлым касанием. Затем тело волосатого человека обмякло, и Уво замер, уйдя к своей маме счастливым, потому что выполнил и её наказ – помог «людям молнии и огня». И желание быть рядом и после смерти тоже сбылось.

Глаза Уво закрылись, тело вытянулось, сердце перестало биться. Но в последние мгновения ритм остановившегося человеческого сердца подхватило «дыхание Земли». Уво был мертв для всех, кто оставался в этом мире. Но мать-природа, истинным сыном которой он был, продолжала качать его на своих живых волнах...

– Папа, – осторожно позвал Святослава Кузьма, – а что он хотел?

– Никита хотел, чтобы мы с тобой похоронили его рядом с его мамой, – отозвался Святослав.

– А кто он? – поинтересовался мальчик.

– Сынок, он был хорошим сыном и очень добрым для этого дикого края человеком, – ответил мужчина.

Этот волосатый Никита буквально за несколько последних минут стал для Святослава близким существом. Порой бывает достаточно и нескольких секунд, чтобы почувствовать, что человека, до этого не знакомого, начинаешь считать для себя очень близким. Словно вы давно искали именно его, словно знакомы очень давно, и что уже никогда не сможете забыть друг друга.

– Спи, Никита; и знай теперь, что у тебя есть друзья, – попрощался Святослав с волосатым человеком.

– Да, Кузьма? – вполголоса спросил он сына.

– Да, папа, – ответил Кузьма и приблизился к умершему Никите, чтобы осторожно погладить его волосы на голове и лице. – Я его, папа, совсем и не боюсь, – еле слышно признался мальчик.

– Он, наверное, был в жизни добрым до последних дней своей жизни, и поэтому его не надо бояться, – почти шёпотом согласился Святослав, обняв сына, который в ответ буквально вцепился в него своими ещё слабыми ручонками, радуясь, что он не один сейчас в этой пугающей тишине и без-

молвии.

Опечаленный Святослав, подойдя совсем близко к Никите и положив ему руку под голову, склонился над телом и долго глядел на него, стараясь запомнить каждую черточку облика этого, казалось бы, странного, и в то же время ставшего близким ему человека. Опытный глаз художника уловил, что пропорции тела Никиты несколько иные, чем у обычного человека, а именно голова по отношению к туловищу была относительно небольшого размера. Ярко выраженные надбровные дуги и косматые брови придавали его лицу суровый и даже грубоватый вид. Мощный торс, руки и ноги были покрыты густыми, жесткими волосами, за исключением грубой, мозолистой кожи локтей и коленей; могучая и угловатая грудная клетка, побитые и исцарапанные пальцы рук и ног – всё это напоминало образ дикого и злого существа. Но на лице его, как ни странно, было по-детски наивное выражение. Только слегка увеличенные скулы и стёртые зубы, глубокие носогубные складки и мимические морщины между бровей говорили о его далеко не детском возрасте. Одевание Никиты ограничивалось лишь набедренной повязкой из прочных волчьих шкур, сшитых по-женски умело и аккуратно. Наверняка, повязка была сделана его матерью...

Святослав оказался прав. В своё время, убегая с сыном из дома, женщина успела захватить с собой иголки с нитками. Через какое-то время их жизни в таёжной пещере нитки за-

кончились, а иголки сломались. Тогда она от безысходности вспомнила слова одной хозяйки, у которой когда-то в детстве была служанкой по дому. При отсутствии современных принадлежностей для шитья, вспоминала мама Никиты, хозяйку выручал способ, которым пользовались ещё первобытные люди. Те вместо иголок находили косточки птиц и рыб, где было небольшое ушко, и на камне аккуратно обтачивали их. А вместо ниток они использовали луб – растительный слой между стволом дерева и корой, который можно было ногтями разделить на тоненькие полоски. Затем их клали в воду и несколько раз кипятили вместе с листьями крапивы, что придавало полоскам мягкость и некоторую прочность. Высушив на солнце, эти полоски долго тёрли между ладонями, отчего они становились гибкими, как нитки. Вспомнив про этот древний способ, мама Никиты воспользовалась им и самостоятельно изготавливала нитки и иголки.

Крапивную воду, оставшуюся после кипячения лубяных полосок, она никогда не выливала, а часто и отдельно готовила. Её она давала пить маленькому Никите как оздоровительное средство, которое помогало дольше сохранять теплоту тела в организме.

Часто она давала сыну мёд диких пчёл, который они вдвоём любили добывать в дуплах деревьев. Один из таких случаев добывания, который навсегда отбил у него вкус к мёду, Никита запомнил надолго. Во время одной вылазки на него напал пчелиный рой, от укусов распухло почти всё тело. То-

гда мама, всерьез испугавшись, долго выхаживала сына народными средствами, а также целебными водами их пещеры. С тех пор Никита всегда обходил пчёл, как говорится, за семь верст, а к мёду никогда больше не притрагивался.

Закончив внимательно разглядывать Никиту и навсегда запечатлев в памяти его образ, Святослав на время закрыл глаза, как бы уложив эту картину на «творческую полочку», чтобы к нему всегда можно было вернуться. Мужчина твёрдо решил, что когда-нибудь нарисует этого человека вместе с его мамой. Он живо представил себе этот семейный портрет. Этому желанию способствовало и поразившее душу художника столь трепетное и нежное отношение к матери существа, живущего в таких диких и опасных краях, где суровое окружение легко могло любого человека сделать грубым.

Роднили Святослава с Никитой и найденные в гроте бюсты. Сам неплохой художник, он, увидев скульптуры Никиты, был по-настоящему восхищён. Его поразила необычайная живость скульптур, которые как будто воскрешали женщину. Это было настолько живое воплощение образа, что Святослав был даже отчасти напуган. Для себя уяснил одно: существо, лишённое способности мыслить, вряд ли смогло бы под землей, в полутьме, на ощупь вылепить человека, как живого, если не было бы наделено даром свыше.

Вернувшись от раздумий к реальности, Святослав подо-

шёл к Кузьме и в очередной раз заметил, что даже в такой печальной ситуации не теряет присутствия духа и свойственного ему хорошего настроения. Понимая состояние своего отца и осознавая призрачность спасения, сын сочувствовал ему всей душой, но даже и в такой ситуации с его лица не сходила врождённая приятная и добрая улыбка, озарявшая тьму пещеры не хуже солнечных лучей. Так было всегда – даже тогда, когда было трудно, Кузьма всё выносил молча, воспринимая окружающий мир с постоянной красивой улыбкой. Такая его улыбка – не просто выражение радости. С помощью её и взгляда он находил взаимопонимание не только со своим отцом, но и, вероятно, со всеми обитателями тайги. Когда он оказывался один на один с таёжным зверем, то в его глазах не плескался страх, а, наоборот, на лице появлялась улыбка. Это обескураживало обитателей тайги, и они часто, может быть, просто жалея этого маленького смельчака, отходили прочь...

Отец и сын сидели рядом в полумраке пещеры. Святослав, думая об усопшем, решил похоронить его по-человечески. Но для того, чтобы вырыть могилу, подумал он, нужна лопата. И только вот в этот момент он осознал, что они с Кузьмой находятся под землёй, неизвестно где. Как, через какие щели или двери они сюда попали, и где выход? Он обязательно должен быть, но как его найти в этой темноте? Не найдя ответа на свой вопрос, он вдруг получил его от сына.

– Папа, там шум! – сказал Кузьма, протягивая ручку в сто-

рону другой части грота.

Святослав прислушался и радостно засмеялся – с указанной стороны действительно доносился какой-то невнятный, на пределе слышимости, рокот. Он воскликнул:

– Давай тогда скорей пойдём в ту сторону! Только ты ползи впереди меня, потому что ты лучше меня слышишь, да и потому ещё, что так я тебя не потеряю. Так что, сын, давай, веди меня, ползи первым, – обратился мужчина к малышу.

И они поползли. В темноте всё кажется одинаковым, и их частенько заносило то в одну, то в другую сторону. Часто попадались преграды из камней и скользкие перегородки. Ползти приходилось на коленях, и вскоре они стерлись до крови и стали сильно болеть. Мужчина окликнул Кузьму, призывая остановиться, чтобы немного отдохнуть и привести себя в порядок. Сняв напряжение и набравшись сил, они стали лучше ориентироваться и понимать, откуда доносился звук. Стало понятно, что это был шум падающей воды, и он становился всё ближе. Отец и сын с удвоенной энергией поползли в его сторону. Ползли молча, экономя силы, и только по учащённому и громкому дыханию можно было судить, сколь труден был их путь. И, наконец-то, пройдя тесный туннель и свернув чуть в сторону, они оказались в светлом закоулке подземелья. Вдали забрезжил чуть заметный дневной свет, в сторону которого они и направились. Он становился все ярче и ярче, и скоро стал больно резать глаза, ещё не отошедшие от мрака пещеры.

Святослав по своему опыту знал, что быстрый переход к яркому свету после очень долгого пребывания в темноте, может легко испортить зрение, а при взгляде на солнце можно даже ослепнуть. Окрикнув Кузьму, он велел ему прикрыть глаза рукой и смотреть на свет только через щёлочку между пальцами, объяснив, для чего это нужно. Этот практический урок Кузьма с того случая усвоил раз и навсегда. Позже, когда они с медвежонком тоже оказывались в такой ситуации, мальчик закрывал Кисе глаза, объясняя на «зверинном» языке, зачем он это делает. В ответ на этот такой запрет медвежонок недовольно рычал, но затем прекращал сопротивляться. Ему казалось, что друг, из-за уважения к нему, таким шутивным способом приучает его к трудностям жизни.

Выбравшись из пещеры, они оказались у водопада и, встав на ноги, с удивлением посмотрели друг на друга, как бы спрашивая: «А теперь куда? Идти под воду? А вдруг там обрыв?»

Осмыслив сложившуюся ситуацию, Святослав понял, что другого пути нет. Перекрестившись, он взял ребёнка на руки, крепко прижав его к груди, и, прокричав: «Будь, что будет!», быстро шагнул под рокочущие струи водопада. Огромная масса воды, обрушившаяся ему на плечи, была так тяжела, что он еле устоял на своих ослабленных от ран и ссадин ногах.

Несколько мгновений терпения... и в награду за это –

простор! Перед ним открылись радующие взгляд виды загадочной тайги: бегущая вниз бурная река, уходящие вдаль покрытые лесом крутые берега.

– Ура! Папа, мы выбрались! – воскликнул Кузьма с сияющими от радости глазами.

– Да, сынок, – ответил с восторгом Святослав, и, оглянувшись назад, поразился высоте и мощи водопада. А спустя несколько минут он, держа Кузьму на руках и крепко прижимая его к себе, поднимался на берег,

– То, что мы вышли из пещеры – это, конечно, хорошо, сыночек, – подумал вслух Святослав, – но в какую сторону нам с тобой теперь идти? Нам на холоде нельзя мокрыми долго стоять. Нужно скорее к нашему домику, а уж там согреемся. Как ты думаешь, Кузьма, куда пойдём? – бодро спросил отец у сына.

– А что здесь думать много, папа. Пойдём прямо, – предложил гордо малыш, почувствовавший радость от того, что папа с ним советуется, как с равным.

– Это в какую же сторону прямо? – попытался пошутить Святослав.

– Куда глаза смотрят, – ответил мальчик и тоже шутливо улыбнулся своему папе.

– Раз ты так глаголишь, то будь по-твоему, – отчеканил Святослав и аккуратно поставил Кузьму на землю. Взявшись за руки, они с оптимизмом направились куда глаза глядят, изредка поглядывая друг на друга, улыбаясь и иногда под-

мигивая кивком головы друг другу в знак понимания, что, мол, одна голова хорошо, а две ещё лучше.

Глава 9

Две беды

Так они прошли примерно с километр, и тут на смену зрению пришло обоняние – Святослав принюхался, и ему показалось, что порывы ветра доносят запах гари. Что и как далеко от них загорелось? Мужчину пронзила мысль: не дай бог, что-то случилось с нашим домиком! Испугавшись этого предположения, он в снова взял сына на руки и поспешил в ту сторону, откуда тянуло дымом. На ходу он благодарил судьбу и приютившего их Никиту – без его старательных и до смешного странных лечебных процедур они с Кузьмой не чувствовали бы себя сейчас, как заново родившиеся. К этому моменту боли на теле почти совсем утихли... Неужели всё это произошло из-за воды и какой-то грязи, которыми их измазал Никита?

Он улыбнулся этим своим мыслям, но тут же, вспомнив про последние минуты жизни Никиты, неожиданно резко остановился. Встревоженный Кузьма обернулся на Святослава:

– Папа, ты чего встал?

В ответ мужчина, словно предчувствуя неладное, без

утайки ответил:

– Кузьма, что-то у меня на душе неспокойно. Чую я, что скоро мы вернёмся обратно к этому водопаду. Поэтому хорошо запоминай дорогу. Нужно обязательно взять с собой лопату, фонарь, одежду и еду. Никиту с его мамой по-человечески надо будет похоронить. Чувствую, что жить нам у него в гостях придётся долго. Зима-то не за горами, а нынче она, по всем приметам, будет холодной, – небезосновательно вынес свой вердикт Святослав и, ожидая согласия Кузьмы, спросил:

– Ты там хочешь жить?

– Да, – оправдывая ожидания отца, ответил малыш, подозрительно глядя на него. Поняв состояние сына, Святослав постарался спокойно ответить на его удивлённый взгляд:

– Я не только ощущаю, я словно вижу, что с домиком и Фёдором что-то не то. Нам надо торопиться.

Запах дыма тем временем становился всё более плотным и едким – значит, идти осталось недолго.

Обеспокоенный мужчина машинально прибавил скорость, но в это время Кузьма неожиданно спрыгнул с его рук и, сорвавшись с места, резко отбежал от него.

– Ты куда? – испуганно крикнул отец.

– Папа, смотри – Киса, – прокричал малыш и бросился навстречу несущемуся к нему медвежонку.

А Святослав ясно осознал, что его тревога не была напрасной: дым, в действительности шёл со стороны поляны,

где находился их домик. Он бегом бросился туда. За ним, не мешкая, побежали Кузьма с медвежонком.

Не зря говорится, что беда никогда не приходит одна. С ходу Святослав почти влетел в двери, но в последний миг остановился, увидев страшную картину. В дымившемся домике на мокром полу лежал полуобгоревший Фёдор. Одного взгляда хватило, чтобы понять – дело плохо. Фёдор уходил...

– Не оставляй нас, Фёдор! – взмолился Святослав, – и не вини меня, что не встретил тебя! Я не мог быть здесь. С нами тоже случилась беда. Мы все это время были в пещере.

– Свят... Домик, наверное, загорелся от шаровой молнии, – Федор был в сознании, но говорил с большим трудом. – Видно, это мне за грехи мои... За раннее увлечение охотой. Как жаль, что умру скоро. Я там Кузьме одежду на вырост привёз и кое-что из провизии. Береги сына... Он у тебя смышлёный малый. Вы с ним, как одна семья... Ну что, Свят... с лешим виделся? Не обижайся, это я шучу.

– Фёдор, а он, и правда, есть. У него мы и были. Только он не леший, а... – не сумев подобрать нужного слова, Святослав взволнованно замолчал.

– Выходит, правда, что о нём люди говорили, – тяжело дыша, проговорил Фёдор.

– Он нас с Кузьмой от волков уберёт. Если бы не он...

– Значит, повезло вам. Ну, прощай, Святослав... и ты, Кузьма, прощай. Слушайся папу и меня не забывай, греш-

ного... дядю Фёду.

И постаравшись подмигнуть им в знак дружбы, он безвольно опустил голову и с улыбкой на устах умер. С трудом верилось, что этот почти полностью обгоревший человек смог так долго протянуть, дожидаться друзей, а после с таким достоинством и даже с юмором попрощался с ними.

Потеря такого человека для Святослава была слишком тяжёлой и, уже не сдерживая чувств, он без стеснения разрыдался над телом Фёдора. Стоявший рядом мальчик не выдержал и, прижавшись к Святославу, тоже заплакал.

– Сынок, за что нам с тобой такая участь? Почему у нас тобой так всё в жизни происходит? Опять нас с тобой оставили, – простонал отец, – снова мы одни.

Крепко прижав Кузьму к себе, Святослав довольно долго просто молча сидел. Наконец, встал, накрыл тело Фёдора своей курткой и, начал осматриваться. Его внимание привлекли сразу два обстоятельства произошедшего, которые Святослав пока не мог себе объяснить. Во-первых, сгоревшим дотла был, как ни странно, только потолок, и именно над тем местом, где на полу лежал пострадавший Фёдор. Стены же и пол избышки были только опалены огнём и лишь слегка дымились. В таком же состоянии находилась и распахнутая настежь дверь. От осенней непогоды дерево избышки было сырым, что, видимо, и не дало распространиться пламени.

Второе, на что он обратил внимание – еда, обувь, одежда,

то есть почти весь скарб, были на улице. Поразило его и разбитое окно, которое тоже было настежь открытым, а под ним на земле в беспорядке валялись многочисленные вещи.

Святослав заметил и стоящий рядом с топчаном табурет, который, к его удивлению, тоже почти был не тронут огнём. А вот мокрый топчан, почему-то дымился, пуская медленные струи четко вверх. Глядя на это, Святославу пришла мысль, что в избушке и в момент пожара, и сейчас не было никакого движения воздуха.

Он долго сидел в задумчивости, пытаясь найти в калейдоскопе мыслей и воспоминаний сколь-нибудь внятное объяснение произошедшему. Как ни странно, ему почему-то вспомнились детские годы, когда однажды днём он сидел дома с матерью. На улице была весна, по тучам было видно, что собирается дождь. Маленький тогда Святослав, поглядел на маму и хотел спросить, скоро ли он прольётся, но вдруг заметил в глазах своей матери испуг. Он посмотрел туда, куда глядела она, и тоже очень испугался. Через форточку в дом неожиданно вплыл небольшой искрящийся шар и стал, словно призрак, метаться по комнате. Обнявшись от испуга, мать и сын сидели, чуть дыша, глядя на это явление. Спустя минуту шар, приблизившись к розетке, так же внезапно, как и появился, втянулся в розетку, приняв форму длинной проволоки.

На следующий день, придя в школу, Святослав спросил у

своего преподавателя, откуда приходят такие огненные шары. Учитель ответил, что это явление природы называется «шаровая молния», но, к сожалению, его физическую суть ученые пока не могут объяснить. Есть только предположения, что это – электрические разряды, которые под воздействием магнитного поля собираются в плазменный шар. Каждый из разрядов ищет выход своей энергии, посылая разнонаправленные импульсы, поэтому движение шаровой молнии хаотично и непредсказуемо. Она может, вытягиваясь, проникать в любые щели. Если же в помещении есть испускающий энергию предмет или прибор, например, работающая электросеть или раскалённая печь, то такие молнии могут и взрываться, выплескивая огромную тепловую энергию, что, чаще всего, вызывает пожар.

Вспоминая объяснения преподавателя о шаровой молнии и сопоставляя с предсмертными словами Фёдора, Святослав, чтобы проверить появившуюся мысль, подошёл к печи. Она была горячей – видимо, по приезде Фёдор её затопил. Святослав попытался мысленно восстановить картину трагедии, вспоминая слова преподавателя. Тот говорил, что осенью шаровые молнии – явление редкое, но все же иногда случается. Как ни странно, они и зимой могут появляться. «Все тайны природы человеку познать невозможно», – сказал когда-то учитель физики.

Святослав стал раздумывать вслух, и это, как ни странно, помогало ему прийти в себя. «Наверное, в домике было теп-

до, вот молнии и захотели залететь сюда, – рассуждал он. – Если бы печь не была затоплена, то «шарик» сразу вышел бы наружу через задвижку, но так как печь, вероятно, сильно топилась, то от её накалённого металла молния и взорвалась под потолком, и он начал гореть. А Фёдор, видя всё это и напугавшись, что скоро загорится весь дом, и что все вещи в нём тоже сгорят, подумал о нас с Кузьмой и стал быстро всё выбрасывать на улицу. Потом, наверное, горящие бревна с потолка упали прямо на него, отчего Фёдор потерял тут же сознание, и огонь сразу переметнулся на одежду и далее – на стены. В это время, скорее всего, начался сильный дождь со снегом, который просто валил с неба и сбивал пламя. А так как до дождя ветра на улице, видимо, не было, то не было и никакого «поддувала», и огонь от потолка шёл прямо вверх. С началом дождя стены вмиг потухли и стали дымиться, намок и пол. От воды то, наверное, Фёдор и пришёл в себя».

Мужчина еще долго стоял бы в раздумьях, если бы подошедший Кузьма, словно чувствуя состояние Святослава, не прижался своими ручонками к дорогому ему человеку.

– Сынок, никогда не забывай дядю Фёдора. Он любил тебя, как своего внука, – горько, но в то же время веско сказал Святослав. – Дядя Фёдор боялся, что ты останешься на зиму без одежды и еды. Он знал, что для тебя, ребёнка, в суровой тайге, в холода, без всего этого – верная смерть и поэтому погиб, сумев сохранить для нас всё самое необходимое. А домик мы поправим.

– Да, папа, не забуду. Он очень хороший был, – тихо произнёс малыш.

Наблюдавший за этой сценой медвежонок вразвалочку подошёл к Кузьме и, ласкаясь, ткнулся мордочкой ему в ладонь, а затем боднул лобастой головой колени Святослава. Зверь мало что понимал в горе людей, но чувствовал, что им сейчас нужна поддержка.

– Киса, дорогой ты наш, хоть ты не оставляй нас с Кузьмой, – погладил медвежонок Святослав.

Тот, словно поняв слова человека, поднял мордочку к небу и протяжно заревел. Вслед за ним этот рёв подхватил и Кузьма, который за время их дружбы хорошо научился копировать звериные звуки.

Три существа, по воле судьбы обречённых жить вместе, стояли среди таёжной глуши и каждый по-своему предавались чувствам от отчаяния и душевного одиночества. Двое стонали по-медвежьи, а третий с трудом сдерживал рыдания, боясь напугать своими слезами Кузьму. Сейчас эти трое особенно хорошо понимали друг друга. Так случилось, что Кузьма потерял маму в авиакатастрофе, мать медвежонок погибла, придавленная тяжёлым деревом, а Святослав навсегда попрощался с Фёдором, оставшись без друга.

Очень тяготила его и смерть Никиты. Странно, но за то совсем короткое время, что он провёл с этим «снежным человеком», Святослав успел почувствовать в нём родствен-

ную душу, каким-то образом понял и близко к сердцу принял его одиночество и его страдания. Роднило их и то, что пещерный житель, как и он сам, был художником – существом, обладающим потребностью творить, – Святослав это понял, подержав в руках созданные тем скульптуры.

Мужчина снова почувствовал себя обделённым. Это состояние началось тогда, когда ему остро стало не хватать материнской любви. «За что?», – по-прежнему задавал он себе этот постоянно его мучающий вопрос. Почему его родная мать, которую он так любил, которой всегда нежно и искренне помогал, за которой бережно ухаживал во время её болезни, в одночасье предала его, растоптав душу и сделав изгоем? Ведь именно тогда и был дан старт его мучениям и тяжёлым потерям.

В этот трудный для себя час трое таёжных жителей, оставленных один на один с судьбой, понимали, насколько они сейчас нужны друг другу. И плач, который сейчас раздавался в сгоревшем домике, звучал, словно клятва верности и обещание выносить все невзгоды вместе, чтобы не погибнуть поодиночке.

Пока Кузьма и Киса возились у покинутого домика, Святослав похоронил Фёдора. У края могильного холмика он вкопал скамеечку, и, сев на неё, завел с покойным другом душевный разговор. Он действительно открывал Фёдору душу, но не жаловался, не ждал сочувствия, а искал у друга

понимания.

Краем глаза мужчина, конечно, следил за тем, чтобы сын с медвежонком не убежали в лес. Наблюдая за тем, как они резвятся, он невольно улыбнулся. Беззаботная детская пора – самая счастливая пора в жизни любого человека. Он и сам был бы не прочь стать снова ребёнком и просто наслаждаться тем, что есть рядом любимый папа, есть надёжный и верный друг.

И этой детской непосредственности совсем не мешает то, что рядом в могиле лежит человек, которому тоже присущи были земные желания и радости, но которому теперь уже неведомыми стали земные заботы и радости. Всё ушло в небытие...

Как часто от пожилых людей нам приходится слышать, что, мол, скоро отмучаюсь, и заберёт меня, наконец-то, Господь под своё крылышко. Такие мысли о покое и радости всегда нравились Святославу, он любил в них погружаться, но сейчас у него были другие заботы.

Становилось всё холоднее и холоднее, и надо было подготавливать зимовку в пещере. А это требует времени, которого никогда не хватает, а тут еще и осенняя непогода подгоняет, принося приметы надвигающейся зимы. И зима эта обещала быть суровой – это чувствовалось по всё чаще начинающему задувать морозному, пронизывающему северному ветру, а в безветрие, по ночам всю округу окутывал холодный туман. Даже после нескольких минут пребывания в

такую погоду на открытом воздухе тело начинало коченеть. «Так, все вещи, в основном, собраны, – подумал Святослав. – Главное взять то, что необходимо для начала. Всё остальное, даст бог, потихоньку, ближе к концу зимы, буду перетаскивать. А ранней весной, в память о Фёдоре, надо будет начинать восстанавливать домик. За лето, надеюсь, что-нибудь да отстрою, благо, что инструменты сохранились. Дом будет для всех: и для Кузьмы, и для медвежонка, и для меня, грешного. Всем места хватит».

Как Святослав был благодарен Никите, что тот встретился на его пути именно сейчас! Не случись этого, что бы он делал, как и где им с Кузьмой пришлось бы зимовать? Охотничьего домика уже нет, помощи от Фёдора тоже больше не будет, а вот-вот нагрянут настоящие холода. Жилище Никиты, пещера, вроде бы и не настоящий дом, но всё равно крыша. Там не так холодно, к тому же просторно. Перезимуем!

Словно почувствовав оптимистические мысли Святослава, к нему подбежал Кузьма, и, не раздумывая прыгнув на папины руки, рассмеялся. Вслед за Кузьмой подбежал и медвежонок. Задрал голову вверх, посмотрел на Кузьму и завистливо зарычал. Поняв просьбу медвежонка, мужчина осторожно опустил сына на землю, подхватил Кису и, хотя с трудом, но тоже приподнял его, ласково приговаривая:

– Ты, Киса, бутуз этакий, тяжеленный-то какой стал! Скоро вообще от земли оторвать тебя не смогу, – и аккуратно

поставил медвежонка на ноги.

– Пойдёшь завтра с нами? – подмигнув, спросил Свято-слав.

– А куда мы пойдём? – решил в свою очередь уточнить и Кузьма.

– Завтра мы пойдём туда, где недавно были, в пещеру. Зимой проведём там. А как только начнет теплеть, обратно сюда вернёмся, – пояснил мужчина.

– Вместе с Кисой? – поинтересовался мальчик, надеясь услышать положительный ответ.

– Ну, конечно, вместе с твоим другом. Куда мы теперь без него, а он без нас? Зимой он здесь один, боюсь, не выживет, ведь он тоже почти как ребёнок и не окреп пока. Обязательно возьмем туда и твою игрушку – гитару, и будете меня вдвоём развлекать. Ох, как весело мы там заживём втроём! А ещё возьмём ружьё Фёдора, на всякий случай, для защиты от хищников, его фонарик и, конечно ...

– Кушать, – подсказал малыш.

– Верно! Возьмём с собой одежду и продукты, что Фёдор нам привёз, – обрадовавшись смекалке сына, подтвердил отец. – Всего этого на эту зиму нам хватит, а с лета будем сами себе запас собирать, – пояснил Святослав.

К водопаду они вышли уже ближе к вечеру. Медвежонок остановился и, тихо ревя, уставился на воду, стараясь, вероятно, сообразить, что это за падающая стена. Он ведь ещё

никогда не видел такого.

– Ну, и что ты остановился? Испугался? – спросил Святослав.

Тот быстро помотал головой, будто отвечая: «Я – медведь, ничего не боюсь», – и тут же бросился к воде, но не под неё, а свернув чуть в сторону, и затем исчез в кустах, у края водопада. А Кузьма, не глядя уже на Кису, побрёл за Святославом, который нёс на себе огромный рюкзак и ружьё и внимательно вглядывался в стену воды, стараясь сообразить, где та трещина в стене, по которой они вышли из пещеры. Подойдя вплотную к ревушей водной преграде, он остановился и взял Кузьму за руку, чтоб вместе перейти водопад. Огляделся в поисках Кисы, позвал его, но рядом медвежонок не было. Боясь бросить зверёныша здесь, Святослав долго и громко его звал, но, поняв, что тот куда-то убежал, решил идти в пещеру вдвоём, а отыскать медвежонок можно и позже.

Не дождавшись Кису, они быстро прошли под водопадом и вскоре, обнаружив рядом на стене выступ и проход в пещеру, они оказались внутри неё. Но тут же насторожились, так как неподалеку раздался какой-то непонятный шум. Не на шутку испугавшись, Святослав быстро достал фонарик и уже собрался осветить пещеру, как внезапно рядом с ним словно ниоткуда появился медвежонок.

Все что ни делается, делается к лучшему. Эта мысль подтвердилась, когда, благодаря исчезнувшему медведю, они обнаружили второй, вероятно запасной, вход в пещеру.

– Откуда и какими путями ты сюда попал? – удивлённо спросил мужчина. Но, не услышав никакого ответа, кроме невнятного рычания, Святослав, как положено между людьми, прижал ребёнка и зверёныша к себе и, стараясь вдохнуть в свою речь как можно больше оптимизма, сказал.

– Вот мы и прибыли! Вы только ничего не бойтесь, так как я и сам боюсь...

Нужно было выжить, и нужно было жить. Любовь к сыну и привязанность к медвежонку пересиливала в Святославе страх перед предстоящими трудностями – он просто обязан был сберечь их. Сберечь, вырастить и воспитать.

Глава 10

Не спеши умирать...

Понемногу всё успокоилось, пещерный мрак и тишина перестали давить на нервы, и Святослав начал обустриваться на новом месте. Кузьма, как мог, помогал, и даже Киса не путался под ногами, а чинно сидел в углу, наблюдая за действиями людей. Когда вещи были разобраны и разложены на подходящие, по мнению мужчины, для них места, он решил что пора заняться серьёзным и главным сейчас делом – предать земле тела Никиты и его матери.

Взяв лопату, он прошёл в грот, где покоились прежние обитатели пещеры. Пол здесь был сплошь каменистым, и

Святослав решил сначала вырыть малую могилу, для женщины. Далось ему это с большим трудом, для такой работы больше подошла бы кирка, а не обычная лопата, но он все же справился, углубив пол пещеры примерно на два с лишним штыка. Дальше начиналась сплошная скала, и Святослав решил, что поступил правильно, начав копать могилу рядом с телом. Именно здесь был слой земли и глины, образовавшийся за долгое время проживания в этом гроте Никиты-Уво. Здесь же располагалась и мастерская, где тот создавал свои скульптуры. Теперь осталось только переложить тело женщины в выкопанную яму, а рядом с ней начать рыть могилу и для Никиты. Затем останется только перевалить с невысокого топчана, сложенного из веток, его огромное тело, и мать с сыном упокоятся рядом...

Святослав устлал дно могилы сухой травой, бережно положил на неё почти невесомое тело женщины, заботливо одетое, видимо, Никитой в меховую шубу, аккуратно запахнул полы шубы сверху и присыпал возле неё немного земли и глины, оставив завершение захоронения до того, как выкопает яму и для Никиты.

Святослав вздохнул, закрыл на некоторое время глаза и покачал головой, задумавшись об этих странных и непонятных «цивилизованному человеку» людях. Его нисколько не удивляло, что Никита, очень долго находясь рядом с не похороненной мамой, ощущал какое-то удовлетворение от этой

своей с ней общности. Может быть, то же самое происходило и тысячи лет назад, когда первобытные люди только-только стали обустраивать пещеры для жилья и не хоронили усопших, а оставляли тела рядом с собой. Тем самым они оберегали их покой, а те своим присутствием рядом не давали повода для отчаяния. Святославу вдруг пришло в голову, что всё повторяется, что так – правильно, и этот обычай должен передаваться для сохранения общности племени и для сохранения родственных связей. Наши далёкие предки, для которых их родители были очень дороги, не хотели никогда с ними расставаться. Наверное, это и давало желание жить дальше, ожидать от будней чего-то необыкновенно интересного и радостного. Какой всё же своеобразный и достойный способ сохранения памяти поколений и почитания родных! В этом было что-то неземное и святое.

Присев на камень, чтобы отдохнуть, он осветил фонарем ряд глиняных скульптур, взял в руки изваяние женской головы и в очередной раз подивился искусности её исполнения. С ещё большим вниманием он стал рассматривать остальные изваяния, с удивлением покачивая головой от того, какой филигранной была работа. На него словно смотрела живая женщина, лицо которой выражало самые разные эмоции. «Сколько же любви вложено в каждую скульптуру!», – восхищенно подумал Святослав. Он останавливал свой взгляд художника на каждой из них, пытаясь навсегда запомнить все черты этого лица, чтобы потом нарисовать портрет жен-

щины и через это понять её образ, понять ту, что воспитала в этом волосатом существе настоящего человека.

– Счастье быть нужными друг другу, – прошептал Святослав, и стал готовиться к завершению трудной работы – могила для сына должна быть намного большей, чем для матери.

Занятый трудом и своими мыслями, мужчина и не заметил, что все это время за ним молча и внимательно наблюдали Кузьма и медвежонок. И каждый из них по-своему также восхищались увиденными скульптурами.

Маленький человек чувствовал эмоции отца. Кроме того, бог не обидел его художественным вкусом. Возможно, и сама атмосфера пещеры каким-то особым образом усиливала это состояние.

Не был равнодушен и Киса. Некоторыми людьми отчего-то принято считать, что животные не умеют чувствовать. Но, вероятнее всего, это не совсем так. Даже у зверей часто влажнеют глаза от сильных эмоций. Так бывает, когда в порыве страха они убегают от опасности, а достигнув безопасного места, смотрят вслед тому, что им угрожало, временами даже качая своей головой. Выходит, они тоже чувствуют, просто умеют сдерживать свои эмоции. Такую холодность можно заметить и у людей, прошедших через все круги ада. Это особая категория людей, умеющих терпеть и вечно, как зверь, жить в невыносимо жёстком мире. Они закрываются

от любой жалости в себе, а иногда, слегка улыбаясь, качают головой, дивясь тому, что судьба их щадит и они по-прежнему живы...

И вот сейчас в ситуации, когда люди скорбели об утрате и восхищались искусством покойного автора, глаза медвежонка тоже стали влажными, а сам он замер в одной позе, оставив свои обычные попытки приласкаться к людям или позвать малыша поиграть.

Эмоции, захлестнувшие Кузьму, получили самый неожиданный выход. Тогда, когда Святослав направился к вещевому мешку, чтобы из бокового кармана вытащить рукавицы, он случайно задел лежавшую рядом гитару. От лёгкого прикосновения к струнам по всему пространству пещеры разнесся необычайной красоты звук, неуловимым звоном радующий душу. Здесь, глубоко под землей, он буквально пронизывал своими волнами все органы, на мгновение буквально околдовывая человека. На звук гитарной струны тут же прибежал Кузьма, взял инструмент в руки и направился к медвежонку. Видимо, ему по-детски захотелось по-хорошему похвастаться перед своим другом такой замечательной игрушкой. Мальчик аккуратно прижав гитару к груди, начал одной рукой пощипывать струны, а второй проводить пальцами по грифу, отчего зазвучало что-то похожее на мелодию и пронеслось по всей пещере. Через некоторое время отдельные звуки и аккорды, которые он извлекал из огромного для него инструмента, слились в одну затяжную красивую мелодию.

Святослав слушал и, дивясь этому, улыбался. Ему было приятно думать, что в совсем ещё раннем возрасте сын начал проявлять и незаурядные музыкальные способности.

...Никиту раскачивало на каких-то непередаваемо легких волнах. Он больше не ощущал свою принадлежность к миру живых, все невзгоды, трудности и потери того бытия отошли далеко в сторону, размылись, стали забываться. Ему было тепло и легко, а где-то рядом была мама, и был Бог, о котором она так часто ему говорила. Всё его существо окутывал мягкий, плавно пульсирующий свет, напоминающий биение огромного, доброго сердца. Никита не понимал и не мог понимать, что это «дыхание Земли» удерживает его на незримой грани между жизнью и смертью, не позволяя окончательно уйти за черту, в небытие, в другой, возможно, лучший мир.

Прозаическим языком и научными теориями такое состояние организма объяснить невозможно. Это не было потерей сознания, когда мозг, не выдерживая внешних нагрузок, проваливается в спасительную темноту. Не было это и комой – в этом случае организм впадает в полное оцепенение, но из последних сил продолжает бороться, цепляться за жизнь.

Среди тибетских монахов такое состояние носит название «сомати», в него по своему желанию могут погружаться лишь самые посвященные, которые умеют находиться вне нашего мира годами, не подавая никаких признаков жизни,

но и не теряя при этом своего человеческого облика. Возможно, они умеют «договариваться» с высшими силами, но наш герой никогда не был последователем каких-либо учений. Дело в том, что он сам был естественной частью природы, душа его была с ней едина. И мать-Земля решила, что для её родного сына ещё не пришёл последний час...

Вдруг в тихое и благодатное состояние Никиты стали проникать какие-то посторонние, завораживающие своей красотой звуки. Поначалу они были тихими и тревожными, но с каждой минутой становились все более громкими, требовательными и зовущими. Так звучали гитарные струны под пальцами маленького Кузьмы. Хозяин пещеры почувствовал и понял, что ещё не все дела его завершены, что там, в мире, в который ему не очень хотелось возвращаться, остался кто-то, кто нуждается в его заботе, и кто готов дать ему свою любовь. Дать то, чего ему так не хватало с уходом мамы.

Вновь ощутив свое тело, Никита протянул тяжелую руку в направлении зовущего звука...

Святослав, под звуки извлекаемой Кузьмой из гитарных струн мелодии, вонзил лезвие лопаты в непокорный пещерный грунт. Он посмотрел на тело Никиты, прикидывая, каких размеров должна быть могила, и замер от охватившего его животного ужаса: в этот момент рука покойника начала медленно подниматься!

Не веря своим глазам и отпрянув от «ожившего трупа»,

он бросился к сыну, ища в нем защиты от своего страха. Может показаться странным, что взрослый человек пытается скрыться за малыша, но в этом нет ничего странного – Кузьма был единственным близким ему существом, единственным человеком на многие сотни километров вокруг. К тому же он почувствовал, что Кузьма совсем не испуган, что тут же и подтвердилось: мальчик бесстрашно шагнул к Никите. При этом он продолжал перебирать гитарные струны. И огромная, тяжелая рука того, кого Святослав собрался похоронить, мягко и даже нежно коснулась детской щеки. Губы же еле слышно произнесли:

– Ма-ал-чык...

– Папа, папа, он не умер, он же живой, совсем живой! – воскликнул Кузьма. – Ему помочь надо!

При звуках детского голоса Святослав взял себя в руки и отбросил все сомнения и страхи. Перед ним стояла очередная задача – помочь человеку, и нужно было немедленно действовать. Тем более, что у «покойника» все явственнее проявлялись признаки жизни: прерывистое, хриплое дыхание, слабые, но вполне осмысленные движения – Никита пытался встать.

Как и что делать в незнакомой и тёмной пещере? И тут он вспомнил, что с ними самими сделал хозяин пещеры, когда они находились в совершенно беспомощном состоянии. «Глина и вода, вкусное питьё и еда!» – всплыло в голове у мужчины.

Но огромный Никита был очень тяжёл, слаб и, вероятно, болен, а значит, его нельзя тревожить. Напрашивался вывод, как в поговорке: «Если Магомет не идёт к горе, то гора идёт к Магомету». И Святослав решил, что все процедуры сделает Никите здесь, на месте. Но где в этой тёмной пещере найти всё необходимое? Охай, не охай, но ничего не остаётся делать кроме одного – вспомнить в какой последовательности, как и в каких помещениях Никита выхаживал Святослава с Кузьмой. В этом ему и Кузьма стал помогать, а также медвежонок своим звериным обонянием. Спустя некоторое время наконец они оказались в одном из этих мест. Около источника они нашли ковш, в нём начали носить попеременно глину и воду. Затем намазали аккуратно тонким слоем целебную жидкую глину на те места тела, где было меньше волосяного покрова. Прделав это, они смочили ему водой губы и дали несколько глотков попить. Затем попробовали покормить Никиту мясом, найденный благодаря нюху медвежонок, который, кстати, хотел находку съесть сам, но Кузьма вовремя его остановил, объяснив на медвежьем языке, что эта еда нужнее их другу. Они разделили мясо на тоненькие мягкие волокна и дали пожевать Никите.

Где находятся маковые зерна, чтобы сделать сонный отвар, мужчина не знал, поэтому решил пустить в ход проверенное средство – свой «волшебный отвар старого зэка», которым не раз лечился сам и который дал сыну ещё на той страшной поляне, после катастрофы самолёта. На Никиту

эликсир действовал не хуже снотворного: дыхание его выравнивалось, становилось глубже, и через несколько минут он уже крепко спал. Но перед тем, как заснуть он успел поднять руку и в знак благодарности очень осторожно погладил их своей могучей рукой. Наверное, Никита в это время, почувствовал огромное счастье от доброго отношения к нему посланцев с неба, о которых говорила часто мама. Он засыпал спокойным сном и спал, полностью находясь в каком-то необъяснимом блаженстве в своём доме, в кругу друзей. И со сном приходило выздоровление.

Глава 11

Пещера Али-Бабы

Убедившись, что Никита крепко спит, Святослав решил на этот раз повнимательнее осмотреть пещеру. «Хочешь, не хочешь, но надо «поближе» познакомиться с обстановкой, в которой придётся жить. Это теперь, Святослав, твой с Кузьмой дом», – пошутил он в свой адрес, вслушиваясь в «говор» летучих мышей. В пещере их обитала целая стая. Звуки, которые издают эти животные, обычному человеческому уху вне пещеры не слышны. Но в подземелье можно было слышать своеобразный свербящий писк: «Кри-кри-кри...». Эти еле уловимые звуки доставляли Святославу радость, хотя многим людям этот писк показался бы неприятным и даже

устрашающим. Но он показывал, что люди здесь не одиноки. Кроме того, была от мышей и прямая польза – по их прилёту и отлёту можно было точно определить, когда начинались день или ночь, и даже смену времен года. Днём летучие мыши спали, повиснув на выступах стен, а к вечеру – улетали. Зимой же они забирались от холода подальше вглубь пещеры, где было относительно тепло и там, цепко схватившись за выступ подземелья, они висели до весны. Нередко на этом и заканчивалась их жизнь

«Как знать, может быть, эта пещера станет и моим последним пристанищем, – подумал Святослав. – Но это будет потом, а сейчас... Сейчас обыденная реальность, к которой надо привыкать». И вдруг он остановился, осознав, что, если вдруг проснётся Никита и посмотрит на могилу мамы, которую он потревожил, то ему несдобровать. «Если он заметит, – мыслил про себя Святослав, что его мама немного в углублении лежит, то я могу ему на это сказать, что я его маму так положил и возле неё веток набросал, чтобы ей было теплее», – надеясь, что от этих слов Никита обрадуется.

Под эти мысли мужчина и не заметил, как успел многое осмотреть в пещере. Для первого раза вроде бы достаточно. Но тут луч его фонаря остановился на большом непонятном предмете в углу одного их гротов. Святослав подошёл поближе и увидел огромный чёрный сундук, закрытый тяжёлой крышкой, которая открылась с большим трудом. Открыв его, Святослав увидел, что сундук до верха наполнен мехами, а

сверху лежала роскошная шуба из очень красивого меха. На лице его появилась улыбка: «Так вот, значит, откуда Никита брал меха, чтобы нас укутать с Кузьмой». Рядом с большим сундуком Святослав обнаружил сундук поменьше. Он насторожился: «Интересно, а что же может быть в этом сундуке?». Но любопытство пересилило страх неизвестности, и Святослав попробовал осторожно приподнять крышку, которая подалась на удивление легко. Посветив внутрь сундука, он в изумлении отпрянул, а сундук, закрывшись, издал звук, словно стон.

Святослав лежал на земле и не мог понять, сон это или явь? Ящик был завален доверху золотом и ювелирными украшениями. Всё что угодно он ожидал увидеть в сундуке, но только не это. Оказывается, волосатый Никита владел несметными сокровищами, которые ему, кажется, были вовсе и не нужны. Вероятно, он даже не имел представления, чем являются эти «стекляшки» и «железки» в мире людей. Впрочем, если бы он и сумел их оценить, то вряд ли смог воспользоваться этим богатством. Если бы он и покинул тайгу и заикнулся бы о нём в обществе людей, то был бы, в лучшем случае, отправлен в психиатрическую клинику за необычный вид и нестандартное поведение. А в худшем... Такова природа человека – убрать конкурента любыми придуманными обществом способами, вплоть до уничтожения.

Святослав постарался восстановить события далеких лет. Наверное, Никита с матерью в прошлом случайно обнару-

жили сундуки с драгоценностями, золотыми украшениями и мехами. Вероятно, в старину эти сокровища спрятали здесь прежние обитатели в надежде, что кроме них они никому не достанутся. Но ошиблись. И эта ошибка оказалась приятной, так как для мамы Уво и для него самого эти сундуки ровным счётом ничего не значили. Для него эти «камешки и железки» были всего лишь обыкновенными игрушками, с которыми он с удовольствием возился ещё в детстве, удивляясь, может быть, иногда их особому блеску, и не более того. А для мамы меха были всего лишь средством утепления.

Святослав не обрадовался находкам, а наоборот, испугался. Он вовсе не чувствовал себя сходящим с ума от счастья Али-Бабой, нашедшим клад разбойников. Наоборот, первая его мысль была о том, что богатство – это несчастье, а слишком большое богатство равносильно смерти. И ещё одно обстоятельство напугало мужчину – всё это достояние принадлежит не ему. А с чужим в рай без греха не въедешь. И не дай бог, кто вернётся за этими сундуками – греха не оберёшься. Да и какая польза от золота и богатства в тайге? Ведь стоит кому-то из охотников предложить в обмен на продукты хоть самую крохотную жемчужину, как его тут же выследят и сразу убьют, а ценности моментом разворуют.

После таких тревожных мыслей он стал копать рядом яму, решив зарыть сундук с драгоценностями как можно глубже. И себе он дал слово пока не говорить о находке маленькому Кузьме. А посмотрев на большой ящик с мехами, он улыб-

нулся, подумав: «А из-за этих мехов не стоит беспокоиться, в теперешние времена это не такая уж ценность. Пусть они послужат нам с Кузьмой по прямому назначению – нам теплее будет спать».

Разрывая почву пещеры, – к счастью, в этом месте она оказалась не такой каменной, а преимущественно глинистой, – Святослав вспомнил один разговор, состоявшийся с Фёдором еще в Москве. Тогда от него он узнал о «гастролерах», которые «целую вечность» ищут сокровища, и никак не могут их найти.

– Фёдор, я хотел у тебя спросить о тех, что на вертолётах прилетают. Кто они? Как часто бывают и зачем?

– Зачем, говоришь?... Мы, охотники, раньше тоже себя об этом спрашивали, пока однажды один из нас не выведал, что их в нашем глухом углу интересует. Оказалось, они что-то слышали про клады Ермака в Сибири, вот и решили попытаться счастья в тайге, – рассказывал тогда Фёдор.

– Но ведь Ермак, насколько я помню из уроков истории в школе, дошёл где-то до территорий между Тюменской и Томской областями, а до Красноярского края и Иркутской области оттуда ой, сколько ещё топать. Да и земли, мне кажется, там были совсем неизведанные. На каждом шагу столько опасностей и хищников, что вряд ли останешься в живых; да и климат такой, что на полпути сгинешь, – рассуждал вслух Святослав.

– Я тоже, Святослав, об этом думал, и они, вероятно, так думали до того момента, пока не нашли где-то пожелтевшую бумажку наподобие карты.

– Но Ермак ведь пошёл осваивать Сибирь где-то в середине XVI века, а у нас сейчас почти двадцать первый. И если подсчитать, выходит, что почти пятьсот лет прошло с той поры. Какая за этот срок бумага может сохраниться? – вопросительно уставился на Фёдора Святослав.

– Правильный вопрос задаёшь и к месту. Я тоже об этом раньше думал, пока однажды не прочитал в одной научной книге об одном факте. Там было написано, что в средние века на территории центральной Азии жили тангуты. Эта народность после нападения монголов разделилась на две части. Одна ассимилировалась в тибетские, а другая – в китайские народы. Так вот, эти самые тангуты и были пионерами изобретения очень долговечной бумаги. У них, видимо, Ермак и выменял на что-то бумагу для этой карты. Но это сейчас не так уж важно. Понимаешь, в чём главная прелесть этой истории... Как-то раз мой хороший знакомый, охотник, поведал мне, что у него сосед по подъезду является «кумом», то есть одним из начальников в лагере для осуждённых. Так вот к этому «куму» обратился пожилой зэк со странной и необычной просьбой, – мол, вытащи меня из зоны, а я тебя, придёт время, озолочу. «Кум» на это ему сначала дал пару тумачков для порядка, но потом, успокоившись, всё же согласился его выслушать. А выслушав, ничего не сказав, ушёл.

Но через несколько дней появился, и они вдвоём, запершись, долго о чём-то разговаривали. В общем, через некоторое время Ээк оказался на свободе.

По словам того охотника, Ермак, оказывается, был совсем не глуп. Он малую часть драгоценностей, которую отобрал у сибирских татар после разгрома войска хана Кучума, при всех спрятал в одной из пещер, недалеко от какой-то реки близ местечка Подольска. А другую...

Фёдор глубоко вздохнул и продолжил:

– Понимаешь, в его окружении было несколько преданных ему людей, с которыми в начале весны он сделал надёжный плот и какими-то неизвестными водными путями добрался до Енисея, и по нему потом умудрился доплыть до самых наших краёв. Среди этой группы надёжных ему людей была одна молоденькая девушка. Ермак в ней любил кротость и красоту. Вместе с этой прекрасной девочкой был и её младший брат – совсем ещё мальчишка. Их двоих Ермак освободил из татарского плена. Не знаю почему, но он так их полюбил, что стали они для него дороже всех. Так вот, остановившись после долгого блуждания по тайге в одном понравившемся ему живописном месте, он случайно оказался у водопада, под струями которого решил освежиться. Стоя под водопадом, он заметил трещину, идущую вглубь обрыва. Разведав проломы, он понял, что оказался в пещере. И тут же решил, что лучшего места, где можно спрятать свой клад, не найти. К тому же это место на возвышенности, у горной ре-

ки удовлетворяло Ермака ещё и тем, что его расположение легко запоминалось.

После того, как было найдено это пристанище, все его преданные люди внезапно исчезли при неясных обстоятельствах. Может, он избавился от них, как от лишних свидетелей, кто это теперь узнает. А вот девушку он еще больше приблизил, взяв её в жёны, а её брату стал доверять, как самому себе. О девушке и Ермаке никто ничего больше не слышал. И о мальчике до того момента, пока он не состарился, тоже не было никаких слухов. Перед своей смертью он нарисовал весь путь к той пещере на бумаге и передал внуку в благодарность за его неприхотливость, равнодушие к роскоши и богатству. Внук принял подарок от деда и надёжно спрятал бумагу, а в конце жизни передал своему внуку и так до наших дней. Так вот, этот внук и есть тот самый зэк – «последний из могикан», кому по наследству досталась карта. Но он оказался алчным человеком. Понимая, что одному ему не справиться с поисками, он решил обратиться по этому вопросу к «куму», зная наверняка, что у того есть и транспорт, и возможности. «Кум» сразу сообразил что почём, быстро собрал проверенных людей. Договорились об оплате и без промедления начали поиски с вертолёта, облетая тайгу и кое-где лазая по пещерам. Но, как говорят, а воз и ныне там, – подытожил Фёдор.

– Не нашли, значит?

– Куда там... В этой карте, наверное, есть какая-то неточ-

ность... Местность-то меняется со временем... – мыслил вслух Фёдор.

– А вдруг найдут? – не успокаивался Святослав.

– А если найдут, то просто поубивают друг друга.

– Это правда... Богатство – полная погибель для всех «типов», жадных к наживе, – заключил Святослав, поддержав вывод Фёдора по этому вопросу.

А вот сейчас сокровища пришли к нему сами, и он им вовсе не рад. Святослав улыбнулся такому двойному совпадению и даже засмеялся – две старые легенды, о снежном человеке и о кладе Ермака, завершаются на нём, и обе связаны с пещерой за водопадом. Раз «гастролёры» не стали искать у водопада, где они обязательно нашли бы пещеру, то, выходя, на карте они не поняли главную точку изображения пещеры. При таких мыслях, вспомнив слова Фёдора о неточностях в карте, Святослав тихо произнёс: «Значит, истории самой решать кому позволено входить в неё».

«Что это – милость Божия или награда за всё пережитое, предоставленная мне судьбой? Если это так, то я, оказывается, не совсем уж плохой человек. Не каждого ведь судьба так щедро одаривает вниманием! Или, может, она проверяет меня, чтобы до конца понять, каков же я на самом деле? Но, как бы ни испытывал меня Господь, я буду продолжать жить в ладу со своей совестью. Даже если я и убил своего отца, видит Бог, я этого не хотел. Я его оттолкнул, чтоб убежать, а он ударился головой об угол тумбочки... и умер. Воровать,

конечно, я тоже не хотел. Я просто хотел откупиться. А то могли бы и мать с отцом убить, и меня», – старался оправдаться перед собой и перед богом Святослав.

Он не искал у Бога прощения, нет, в этой исповеди он хотел понять самого себя, хотел, чтобы не мучила совесть от содеянного. Святослава успокаивало и то, что его друг Валентин понимал его и всегда говорил: «Не мучайся и не кори себя. Если бы ты на самом деле был отщепенцем, то я бы с тобой даже одним воздухом не дышал».

Сундук удалось закопать основательно и достаточно быстро. Несмотря на небольшой размер, сундук был очень тяжёл, и чтобы справиться с таким грузом одному, пришлось проявить смекалку. Решение оказалось простым: яма была выкопана впритык к этому сундуку, а когда всё было готово, он просто его скатил по стенке ямы. Святославу оставалось только удерживать его, чтобы не перевернулся.

Сверху Святослав положил камни, чтобы Кузьма ненароком не смог обнаружить клад. Хорошо, что сундуки находились в самой тёмной части пещеры, куда Кузьма не хотел заглядывать, предпочитая играть с Кисой, пока папа был там чем-то занят. Большую же часть «земляных работ» по сокрытию сундука Святослав проводил в то время, когда Кузьма с медвежонком спали.

Когда наконец-то эти работы завершились, Святослав облегчённо вздохнул: «Неужели я теперь смогу спокойно по-

спать, не тревожась о драгоценностях». После периода столь необычной и тяжелой работы он почувствовал как сильно проголодался и привычно начал из принесённых с собой продуктов готовить еду для Кузьмы с медвежонком и, конечно, для себя.

Когда все было готово, Святослав позвал Кузьму и медвежонка. Несмотря на в корне изменившиеся обстоятельства, Святослав решил не менять привычек, которые сложились у них в охотничьем домике. Пусть и для мальчика, и для медвежонка здесь будут все те же условия, что и там, дабы у них не возникало мыслей о скудности и скуке жизни. «Пусть они поживут своими детскими заботами – играми, увлечениями, интересами, – решил Святослав. – А когда выйдем наверх, буду играючи, на собственном примере, приучать и сынишку, ну и, по мере возможности, и зверёныша заниматься полезными делами по хозяйству и в быту, учить их готовить пищу и заготавливать припасы на зиму. В общем, надо продолжать жить, как жили. А то – в таком замкнутом пространстве, в ограниченных возможностях – можно легко на жизнь обозлиться, потерять к ней всякий интерес».

Глава 12

Дети тайги

Накормив детей и наевшись сам, Святослав решил немно-

го привести себя в порядок и отдохнуть. Дети играли, Никита крепко спал, и «глава семьи» мог позволить себе немного вздремнуть. Но его дрему прервал громкий шум и крик Кузьмы. Встревоженный Святослав кинулся в ту часть пещеры, где обычно и играли ребёнок с медвежонком. Добежав, он увидел лежащего под камнями Кису, а рядом – Кузьму, который изо всех сил пытался освободить медвежонка от упавших на него камней. Святослав тут же бросился разгребать завал, под которым тихо и жалобно рычал Киса. Камни удалось убрать быстро, и Святослав стал осматривать зверёныша. К счастью, тот не слишком пострадал от обвала, однако раны нужно было залечить. И самым надёжным способом Святослав посчитал тот, которым их с Кузьмой лечил Никита, а потом сами они – хозяина пещеры. Прodelать «глиняные» процедуры с Кисой было не сложно. Самым трудным было заставить медвежонка выпить целебной воды. В конце концов, тот уснул, и спустя пару часов Святослав заметил, что зверёныш стал дышать более спокойно. Значит, отметил для себя мужчина, действие глины и воды действительно целебное не только для людей, но и для зверей.

Кузьма же притащил гитару и стал перебирать струны, извлекая только одному ему известную мелодию. Он занимался этим все время, пока его друг засыпал, и Святославу показалось, что маленький музыкант подбирал именно те ноты, которые действовали на медвежонка успокаивающе.

Когда мелодия закончилась, Святослав после небольшой

паузы пребывания под впечатлением звуков гитарных струн медленно начал напевать песню, которую любил с детства. Песни, которые он часто напевал, были разными. Но все они, и лирические мелодии, и ритмичные, и даже детские песни помогали ему и в минуты одиночества, и в минуты радости. И вот теперь, стоя рядом с Кузьмой и лежащим Кисой, он напевал свою любимую «Я люблю тебя жизнь». Спустя некоторое время он, к своей радости, уловил, что звук от гитары стал ложиться на его мелодию, отчего он на секунду даже прервал пение, дивясь его способности улавливать мелодию на ходу. Ему с трудом верилось, что такой совсем ещё маленький ребёнок умудряется дёргать струну в такт песни с первого раза. И очень обрадовало то, что в такую трудную минуту они, наперекор всему, смогли найти общую радость жизни в песне. Как оказалось, творческие души отца и сына слышали и понимали друг друга – а это огромное счастье. Рядом с ними и маленький зверь, к которому, в нашем понимании, нельзя применять выражение «творческая душа», по-своему реагировал на мелодию и испытывал, может быть, какое-то особое, присущее только животным, чувство блаженства. Святослав не раз замечал, что игру Кузьмы на гитаре Киса слушал с интересом и даже качал в такт музыке головой...

Жизнь и быт обитателей пещеры налаживались не только их совместными усилиями, но и природными особенно-

стями пещеры. В первые дни многое приходилось делать наугад, опытным путем. Когда после очередного «блуждания» по пещере Кузьма пришёл поцарапанный так, что вся почти одежда на нём была в многочисленных пятнах крови, то Святослав просто надел на него свежую куртку, а испачканную бросил на глину, решив, что постирает её потом. И вспомнил о ней только через несколько дней, когда затеял очередную стирку. Очистив куртку от засохшей глины, Святослав при свете фонарика начал искать на материи пятна, обдумывая, как удалить следы крови. Но, к своему удивлению, обнаружил, что никаких следов не осталось. Он соскрёб глину с рукава, где, он прекрасно помнил, кровь точно была. Однако рукав был чист! Вывод мог быть только один – глина обладает не только целебными свойствами, но и является прекрасным моющим средством. Удалить без следа застарелые кровавые пятна с материи даже не всякому стиральному порошку под силу. Это случайное открытие существенно облегчило процесс стирки, который стал теперь занимать уже не так много времени, как поначалу.

Выстиранное бельё Святослав обычно просушивал, развесив его на небольших ветках деревьев, установленных в естественные отверстия шероховатых стен пещеры. Высушенную же потом одежду, сложенную в стопки, он размещал на настиле из веток на полу и накрывал их далее также ветками и большими листьями, что натаскал снаружи, чтобы закрыть вещи от пыли или иногда сыпавшегося сверху песка.

Хозяин пещеры, Никита-Уво, в первые, самые трудные дни, мало чем мог помочь новым обитателям своего дома. Он был очень слаб и постоянно спал. А когда просыпался – глядел на лежащую рядом маму. Святослав был рад, что он вовремя ему объяснил, почему он маму положил в углубление и так укутал. Никита постоянно просил много пить, но совсем мало ел. Сначала Святослав беспокоился, что, возможно, «снежному человеку» не подходит новая для него пища – каша из концентратов и консервы. Но потом он вспомнил, как ведут себя в больнице люди, отходящие от наркоза после операции. Ему не раз довелось видеть это своими глазами – первое, что они просят, это воды. Пьют и снова засыпают. Аппетит приходит позже, а сначала таких больных приходится уговаривать съесть хотя бы ложку бульона. Воспоминание несколько успокоило Святослава – с Никитой была похожая ситуация, только процесс затянулся на более долгое время.

За состоянием хозяина пещеры внимательно следил Кузьма. Даже во время игр с медвежонком он всегда помнил о Никите и находил минутку, чтобы сбегать в грот, где спал Никита. Если мог, то сам давал ему попить; если видел, что тот проголодался, звал папу.

Между мальчиком и «снежным человеком» установилась какая-то удивительная связь. Кузьма буквально чувствовал, когда он нужен Никите, и откликался на его незримый зов. И

Уво относился к малышу по-особенному. Когда он проснулся в первый раз и увидел рядом с собой мальчика, то протянул руку и хрипло, но тихо, почти шёпотом сказал:

– Ны–кы-таа...

Кузьма ничуть не испугался. В его детской голове сохранились воспоминания о спасшем их от волков громадном человеке. Поэтому он не отстранился от протянутой волосатой руки, а наоборот, погладил её и сказал:

– Никита, тебя зовут Никита. Я знаю, папа говорил, что тебя зовут Никита. А я – Кузьма. Понимаешь? Кузь-ма, – и похлопал себя ладошкой по груди.

– Кусс-ма-а, – медленно повторил Уво, – Кусс-ма-а...

С тех пор, с самого первого их такого необычного знакомства, он всегда узнавал мальчика, гладил его и произносил «Кусс-ма». Как ни старался Кузьма его поправить, ничего не получалось, Никита упорно называл его Куссмой. Наконец, Святослав прервал эти бесплодные попытки «поправки произношения».

– Он так тебя сам назвал, – объяснил он сыну, – ты для него навсегда Куссма, даже если он научится правильно говорить.

...Сам же Уво-Никита в эти долгие дни выздоровления воспринимал действительность как сквозь дымку. Так бывает, например, когда смотришь на мир из-под воды – звуков почти нет, контуры расплывчаты. И в то же время прекрасно осознаешь, что происходит там, за этой плёнкой.

Главное, Никита понимал – всё идет правильно. Он выполнил наказ матери, спас этих людей, и у него даже остались силы и дальше помогать им. Свою болезнь он воспринимал как явление временное. Во-первых, раньше он всегда выздоравливал, и почему сейчас должно быть по-другому? Во-вторых, он чувствовал двойную поддержку – когда засыпал, его качали целебные волны матери-Земли, когда просыпался – его окружали тепло и забота новых обитателей пещеры. И Никита не сомневался, что выздоровеет и станет им помогать. Он по-прежнему считал это своей обязанностью – долгом, который дал ему силы подняться из небытия.

Жизнь в пещере, между тем, шла своим чередом, обрела черты налаженности и распорядка. К радости Святослава, его маленький сын старался, и главное – мог оказать ему существенную помощь. Он не путался под ногами, пытаясь просто копировать действия взрослых, как это часто делают маленькие дети, создавая тем самым суету и беспорядок.

Кузьма любил наблюдать за работой своего папы, и старался по-настоящему помогать ему. Однажды, когда Святослав готовил обед, Кузьма попробовал сам, без папиной помощи провести стирку – это занятие ему сразу же очень понравилось, несмотря на то, что «не мужское это дело», как принято считать. В дальнейшем забота о чистоте и сохранности одежды стала для него необходимой нормой жизни.

Святослав похвалил сына и, по-мужски обняв, благодарил

за помощь. Это дало ребёнку ощущение своей нужности отцу. А сам Святослав изредка стал наблюдать за ним и ненавязчиво советовать, как лучше что-либо сделать. Впоследствии Кузьма стал отлично справляться со стиркой сам, тем более что медвежонок тоже не оставался в стороне. Тот старался помогать по-своему: месил одежду в глине, прохаживаясь по ней всеми четырьмя лапами, которые потом долго чистил от глины в воде, а в завершение, урча, сосал их. Часто делал он это одновременно с Кузьмой, поглядывая, как тот лечит свои ссадины, зализывая их до полного выздоровления. А когда они заканчивали свои «лечебные процедуры», то вновь начинали резвиться, играть, бороться и валяться по «полу».

Святослав в это время как обычно готовил им еду. Когда кушанье было готово, мужчине стоило лишь произнести магическое: «Эй, братва...», и «дети» сразу же бросали своё баловство и мигом оказывались у еды, очищая одну миску за другой. Бывало, ели вдвоём из одной и той же миски, как говорится, за компанию. Словно в таком юном возрасте человек и зверь были единым целыми: понимание и дружба без объяснений.

Может или нет существовать такая внутренняя связь между человеком и зверем? На это может ответить любой дрессировщик, на своем примере доказывая, что животные без слов могут понимать мысли и желания людей. И не надо забывать, что в детстве всё воспринимается иначе, дети всегда

понимают своих младших друзей намного лучше, чем взрослые. Необыкновенная привязанность друг другу медвежонка и «человеческого детёныша» была особенной и от того, что их судьбы оказались схожими – оба в младенческом возрасте остались без мам.

Такое горькое одиночество часто ищет себе в «компаньоны» подобие такого же душевного состояния. И здесь уже неважно, зверь ты или человек. С этим согласится любой, кто по воле судьбы хоть раз оказался в условиях невыносимых трудностей. В битве со стихией спасением и поддержкой может стать преданный пес, терпеливо скулящий рядом с тобой. Крепость такой связи может говорить только о том, что понятие дружбы не требует объяснений.

В один из очередных пещерных дней, когда Святослав как обычно готовил обед, а Кузьма заканчивал развешивать «бельё», Киса неожиданно громко и протяжно зарычал. Поглядев на такое странное поведение своего друга, Кузьма, взявшись за живот, засмеялся, слегка при этом подрагивая.

– Ты что хохочешь, Кузьма? – улыбнувшись, поинтересовался Святослав у сына.

– Ой, не могу, сейчас пузо лопнет, – продолжая держаться за живот и сотрясаться от безудержного смеха, стал взхлёб пояснять Святославу Кузьма, – Это мне Киса случай рассказывает.

– Но он же только рычит без умолку, и ничего больше, –

заметил мужчина.

Такое непонимание со стороны отца искренне удивило Кузьму, и он, всё ещё не в силах перебороть смех, стал пересказывать сон, который ему якобы только что поведал медведь:

– Папа, он говорит, что он сон видел, как он залез на какое-то дерево и там нашёл дупло с пчёлами. А когда он свою мордочку туда сунул, они на него набросились. Он упал с дерева на ежа и завизжал от боли и бросился бежать, куда глаза глядят. Пчёлы за ним. Когда увидел муравейник, он туда засунул свою мордочку и громко зарычал от боли – муравьи стали лезть ему в уши, нос и глаза. Он встал и стал плакать – не знал что делать и куда бежать. Его спас дождь. Он обрадовался и зарычал.

С интересом выслушав сына, Святослав тоже невольно рассмеялся и направился на кухню, что находилась в одном из углублений в стене, откуда весело крикнул:

– Эй, братва...

За обедом Кузьма начал обстоятельно рассказывать папе, что он давно уже учится понимать звуки рычания Кисы и вроде бы кое-что стало получаться. А кое-что научился объяснять Кисе на его медвежьем языке. На вопрос Святослава, как он смог подробно и с точностью описать сон Кисы, когда не совсем полностью научился с ним разговаривать, Кузьма чистосердечно признался, что это не Кисе, а ему самому этой ночью приснился такой сон. И, чтобы избежать шуток в свой

адрес по поводу такого неуклюжего поведения, он и решил рассказывать свой сон так, как будто это всё Кисе приснилось.

– Сынок, запомни, над доброй шуткой редко смеются, наоборот её очень часто тоже подхватывают смехом, – подбодрил сына Святослав. – И кто знает, может быть, пока тебе снился этот сон, Киса такой же сон видел. Не зря же он по полу валялся вместе с тобой.

– Не знаю, папа, может, и Кисе снилось то же самое. Вот когда научусь с ним хорошо разговаривать на его языке, тогда сначала он мне, а потом я тебе всё буду рассказывать, – уверенно пообещал Кузьма.

Заканчивая такой интересной беседой свою трапезу, Святослав ощутил чувство приятной радости от того, что у него организовалась такая семья, где, кроме общих бытовых забот, их, оказывается, объединяет и чувство юмора, которое так необходимо в нелёгкой таёжной жизни. Совместный труд, юмор и понимание друг друга с полуслова – все это еще больше сближало их, придавало жизни всех троих целостность, без которой трудно было бы понять, в чем на самом деле состоит истинная радость жизни.

Когда быт потихоньку наладился, и стало появляться свободное время, Святослав стал часто напевать песни про себя, а потом и вслух. Кузьма же всегда подхватывал мелодии песен на гитаре, и они начинали особо звучать по пещере. Под эти звуки ему легче думалось. Он отмечал, что их «се-

мья» окончательно приспособилась к новым условиям жизни. И смирился с мнением, что в жизни всякое бывает, и то, что нравится, и то, что не нравится совсем. Но, спрятав свое «не хочу или не могу», человек должен заставить себя оставаться человеком – при любых обстоятельствах. И то, как надо жить дальше – хорошо или плохо, зависит только от нас самих. Мы сами себе хозяева. И если сначала Святослав заставлял себя полюбить свою новую жизнь, то теперь он знал, для чего живёт, а главное – для кого. Его поведение теперь должно быть примером для сына, благотворно влиять на малыша. Если сам он будет чувствовать интерес к жизни, это передастся и его сыну, и медвежонку. И станет гарантией тому, что они вырастут спокойными и крепкими.

Глава 13

Мысли в темноте

После гибели Фёдора на долю Святослава выпала участь, которой можно только посочувствовать: после пожара он остался с малышом на руках без жилья, без многих элементарно необходимых для ребёнка вещей, один на один со смертельной суровостью тайги. Вероятно, понять его состояние лучше всех смогла бы женщина-мать. Когда на твоих плечах столько забот, а нормальных, привычных условий нет – это, ой как тяжело...

О сочувствии Святославу можно поспорить. Если он убил человека и, вдобавок, ещё раз нарушив закон, сбежал с зоны, то пусть сам и расхлёбывает всю эту кашу. Тоже мне, герой! И какие такие у него трудности? Охотник ему просто так дом предоставил, да ещё едой и одеждой его снабжал. Настоящий иждивенец!

С этим можно было бы согласиться, если бы не одно «но». В жизни каждый человек совершает ошибки. Многие не «попадают в руки закона», и их, как говорится, «пронесло». И живёт человек дальше спокойно и мирно, а может даже стать уважаемым человеком. А вот другим – не везёт. Они могут совершить ошибку без умысла, поневоле. Но им уготована другая судьба, не «пронесит». Каждому выпадает два пути, и человек ступает на тот предоставленный ему судьбой путь, по которому ему суждено идти по жизни дальше, без оглядки на мнение людей. Только небеса знают кто прав, а кто виноват.

Такие мысли плавно сменяли одна другую в голове «таёжного папы», пока не смолк приятный слуху звон гитары. Тихонько подойдя к Кузьме, он улыбнулся, заметив, что ребёнок совсем сморило, а гитара выпала из маленьких рук. Его друг медвежонок, притихнув, улегся рядом и тоже начал засыпать. Мужчина усмехнулся, удивлённый воздействию пещерной темноты и тишины.

Жизнь в пещере наладилась, всё шло по установленному

однажды распорядку. Такое мерное её течение привело к тому, что Святослав постепенно начал терять счет времени, да и перестал об этом заботиться. На не дававший ему покоя вопрос: «Почему он здесь так долго спит, и почему ему становится на душе всё спокойнее и спокойнее?» – Святослав ответить себе не мог, а в конце концов и вовсе перестал об этом думать. Но то обстоятельство, что здесь, в глубине земли, он не испытывает абсолютно никакого страха, его по-прежнему беспокоило.

Принято считать, что чем глубже под землю спускается человек, тем сильнее обуревают его тревога и страх, доводя порой до панического состояния. Мысли теряют ясность, сознание становится сумеречным. С ним же происходило с точностью до наоборот – он чувствовал себя здесь совершенно спокойно – как у Христа за пазухой. За непростые предыдущие годы жизни организм Святослава изрядно износился: нервы были на пределе, усталость накапливалась как снежный ком – он был почти на грани срыва. Но, волею судьбы попав в пещеру, организм начал быстро и с нарастанием перестраиваться. Сон в таинственной тишине отгонял все переживания и плохие мысли, и на душе становилось спокойно и тепло. Часто перед сном или после пробуждения Святославу хотелось долго и радостно плакать от непонятной для него радости. Он просыпался словно ребёнок, довольный и счастливый, как будто заново родился. Нервная система, восстанавливалась, тело становилось здоровее день ото дня.

Возможно, ощущение страха проходило и оттого, что он точно знал – всё, что находится в пещере, принадлежало Никите, а в гостях у сильного человека всегда ощущаешь себя под защитой. К тому же Святослав испытывал покой оттого, что исполнил обещание, данное прежнему обитателю похоронить его с мамой. И пусть Никита «ожил», но ощущение правильности содеянного, чувство выполненного долга осталось.

Необычный человек, живший ранее в пещере, был пока беспомощен и очень слаб. Но невидимая аура уверенности и внутренней силы была почти физически ощутима в подземном доме. И Святослав делал всё для её сохранения. Он знал, что должен поддерживать здесь жизнь, сохранять предоставленное хозяином жильё в порядочном состоянии, должен сделать всё для того, чтобы жизнь в пещере продолжалась. Тем более, что здесь, в могиле покоится мать Никиты, и надо достойно оберегать её покой.

Продолжая знакомиться с пещерой, Святослав заметил, насколько аккуратным был Никита. Вся посуда для еды была абсолютно чистой. Как ему, вроде бы дикому существу, долго жившему под землей, по сути – в грязи, удавалось сохранять свою посуду чистой? Может быть, эта аккуратность передалась ему от матери, и произошло это чисто механически, во время постоянных наблюдений за ней, когда та после еды мыла посуду и при этом объясняла сыну, что имен-

но и зачем она сейчас делает. Вот Никита и запомнил раз и навсегда её наставления, из которых у него сложилось чётко определение, что «делать чисто» – значит, здесь всегда будет хорошо жить. Скорее всего, эта «работа по дому» напомнила ему о том счастливом времени, когда они были вместе. И это занятие стало приносить ему огромное удовольствие: всегда, когда мыл посуду, он с душевной радостью уходил в воспоминания о своём счастливом детстве. Такое подражание действиям мамы незаметно привило ему аккуратность и трудолюбие, старание всегда делать любую работу с радостью, а, значит, хорошо. «Делать хорошо», в его понимании, означало доставлять радость любимому человеку, а так как любимого ему человека давно уже не было в живых, то это делалось ради памяти о нём.

Когда Святослав при проникающем в пещеру неровном свете рассматривал созданные Никитой скульптуры, у него стало появляться представление, какой эта женщина была при жизни. Для него, как художника, это не составляло большого труда. У Никиты был несомненный художественный вкус и талант, огромный талант! В своих скульптурах он смог передать даже характер мамы. Вот вам и дикий, волосатый человек!...

Более внимательно знакомясь с пещерой, Святослав неожиданно для себя заметил, что горячая вода медленно поднималась из недр в состоянии кипения, и целый день

оставалась такой, а потом так же медленно исчезала под землей, чтобы через три дня появиться снова. «Кухня на дому», – усмехнулся он с радостью и улыбнулся – сегодня он, наконец, накормит горячей едой своего Кузьму и, конечно, окончательно привыкшего к ним медвежонка. Да и выздоравливающему Никите горячий отвар будет очень полезен.

Святослав не торопясь приготовил обед и направился в свою «спальню», где, обнявшись, беззаботно спали малыши. Он решил не тревожить их сладкий сон, и продолжил с большим интересом рассматривать работы Никиты, всё больше и больше убеждаясь, что тот вложил в них всю свою душу и любовь.

Святослав был неплохим художником, а к тому же ещё имел редкий дар видеть человека таким, каким он был в молодости. Он легко смог представить изображённый в глине образ женщины не только в зрелости, но даже в юности и в детстве. И «поймав» этот образ, он смог бы нарисовать мать и сына такими, какими они сюда прибыли много лет назад: совсем ещё молодую маму с младенцем Никитой на руках. Мысли о том, что, по рассказу Фёдора, она была с немного с отклонениями в умственном развитии, а Никита был диким, Святослав отбросил – увиденное им в пещере полностью разрушало эту версию.

Мужчина и ребёнок частенько сидели вместе, вслушиваясь в ночную тишину, в завораживающий говор тайги, про-

никающий через отверстие в стене, или в звуки пещеры – редкий шорох осыпающихся с потолка камешков, приглушенный звон падения капель воды. В эти мгновения создавалось впечатление, что тайга и пещера – живые, и дышат, как всё живое на свете. Но иногда казалось, что в пещерной мгле время как будто замирает, и тогда лишь редкие голоса птиц снаружи и летучих мышей внутри пещеры напоминали людям, что они не одни. Всегда интересно было прислушаться к разговору деревьев. Скрип старых елей или тихое шуршание берёзовой листвы создавали свою очаровательную мелодию природы. Понимая этот язык, можно было приобщиться ко всему, что их окружало, и стать частью этого огромного живого существа.

Все эти мысли становились Святославу необходимыми, и он переходил к их анализу, получая пищу для ума. Он постоянно сопоставлял их со своим жизненным опытом, и делал неожиданные выводы, что приносило ему огромное удовлетворение и покой. Наверху бесконечное копание в себе и разбор своих поступков забирали так много сил, что негативно сказывались на его здоровье: он становился вялым, мышцы слабели, и пропадало желание жить. Какая же несравнимо приятная противоположность!

Вот и сейчас, после рассуждения о семье волосатого человека, ему в голову пришли сразу несколько интересных для него вопросов. Во-первых, почему, например, здесь в глубокой пещере сохраняется абсолютно стабильная для жизни

температура? За счёт чего всё это происходит?

Во-вторых, почему он нисколько не тревожится о том, какое сейчас время суток – утро или вечер? Отчего его организм ему об этом не напоминает? И, в-третьих, самое удивительное – почему его не тянет вверх, почему ему так нравится эта темнота? Не влияет ли она отрицательно на его глаза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.